

Михаил Ахманов
Среда обитания
Серия «Первопроходец», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118378
Ахманов М. Среда обитания: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04477-9

Аннотация

Он был смертельно болен. И не только он один – всю его планету сотрясали социальные и природные катаклизмы. Но сейчас, унесенный ураганом времени и оказавшийся в чужом теле и в чужом мире, Павел с ужасом осознал, чем пришлось поступиться неведомым потомкам ради спасения человечества. У обитателей подземных городов не было ни памяти о прошлом, ни цели в будущем, ни синего неба над головой. Все это осталось на загадочной Поверхности. Но Павел, чужак из далекого XXI века, не смирился и начал свой долгий путь вверх...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	44
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Михаил Ахманов

Среда обитания

Этот роман автор адресует тем, кто недоволен нынешними временами.

Помилуй Бог! – как говорил генералиссимус Суворов. Не было бы хуже!

Глава 1

Дакар

Необходимо со всей ответственностью осознать тот факт, что человеческая цивилизация в нынешнем ее состоянии нестабильна, а значит, нежизнеспособна и клонится к упадку. Упадок может наступить в силу множества причин, наиболее реальные из которых указаны в Пункте Втором.

**«Меморандум» Поля Брессона, социолога, представленный Комитету Безопасности Римского Клуба в 2036 году и уничтоженный в период Эры Взлета.
Доктрина Первая, Пункт Первый**

Он находился в вагоне поезда.

Вагон выглядел непривычно, но странность его как бы пряталась и ускользала от взгляда, слуха и рассудка. Если говорить определенной, глаза еще что-то замечали, но погруженный в дремоту разум был не в силах осознать увиденное, словно начисто лишившись способности к анализу, к оценке событий и обстоятельств, к реакции на окружающий мир. Вместе с этим исчезло и чувство времени; он не мог сказать, сколько минут, часов или дней сидит в глубоком мягком кресле, бездумно уставившись в угол между полом и стеной вагона.

Дар логического мышления был утерян, но возможность фиксировать увиденное сохранилась. Без всякой цели, просто так. Эти пассивные наблюдения не являлись пищей для ума, не будили ни любопытства, ни фантазии, а оседали где-то в безднах памяти, проваливались в мертвую ее трясину и таяли – так, как тают звезды в рассветных небесах. Частицы реальности, подчиняясь внутреннему бессознательному ритму, мелькали перед ним картинками-вспышками на невидимом экране: проблеск, темнота и снова проблеск. Одна картинка, другая, третья, четвертая...

Пол. Обыкновенный пол из темно-коричневого пластика. Не гладкий, а чуть ребристый. Рисунок – шестиугольники с насечкой, идущей то вдоль, то поперек. Пол идеально чистый, не видно ни пылинки, ни соринки.

Спинка кресла – того, что впереди. Тоже пластик, оттенка кофе с молоком. Над спинкой торчит голова. Женская. пышная прическа: пряди волос уложены в виде океанских волн. И цвет такой же: у корней – фиолетовый, потом синий, лазурный, зеленый, нежно-нефритовый и на самых кончиках – белый, как морская пена.

Проход. Широкий проход справа, за ним – ряд кресел у противоположной стены. Большею частью пустых, только где-то впереди смутно маячит фигура в пестром облегающем комбинезоне. Яркая броская ткань – чередование алых и желтых полос, черный узор у запястья и ворота... Мужчина? Женщина? Непонятно...

Слева стена – светло-серая, слегка вогнутая, плавно переходящая в потолок. На сером фоне – рисунок: розовые нити расходятся бесконечной паутиной, ползут к потолку и полу.

Стена чуть заметно мерцает, наполняя вагон слабым жемчужным светом. Настолько слабым, что конец вагона не разглядеть. Или он слишком длинный?.. Много длиннее обычного, а еще...

Окна!

Окон нет. Нет покачивания, потряхивания, лязга на стыках рельсов, гула моторов, скрипов, шорохов. Мертвая тишина! Ни звука, ни признака движения... Но он почему-то знал, что находится в поезде и несется вперед со скоростью пули.

Куда? Вероятно, домой...

Эта мысль, прорвавшись сквозь вязкий туман, окутавший сознание, почти разбудила его.

Поезд... Он – в поезде... Значит, возвращается из Москвы в Петербург. В последние годы, после начала болезни, он ездил только в Москву, к своим издателям. Ездил на день. Болезнь не отпускала его надолго: все понедельники и четверги он проводил в центре диализа – лежал, подключенный к искусственной почке, и с каждым разом эти сеансы становились все дольше и мучительней. Врачи и медсестры посматривали на него с плохо скрытым сочувствием – мол, почти не жилец...

Эти взгляды вдруг ясно вспомнились ему, заставив вздрогнуть. Сумка! Он судорожно пошарил рукой по сиденью, с трудом нагнулся и заглянул под кресло.

Сумки не было.

Странно. Даже не странно – ужасно!

Черная кожаная сумка сделалась для него таким же необходимым предметом, как брюки, башмаки, пиджак. В сумке – лекарства, еда, бутылка с водой... Без этого он мог прожить три часа или четыре, может быть, шесть, но срок отпущенного времени был неопределенным – лекарство могло понадобиться в любой момент. Ему полагалось находиться рядом, в сумке, не дальше чем на расстоянии протянутой руки.

Но сумка исчезла.

Осмыслив это, он ощутил мгновенный всплеск отчаянного страха. Но сковавшая его слабость не походила на предвестник приступа – скорее на утомление, которое испытываешь после долгой и нудной работы. Или на похмелье... Однако в последние годы он пил лишь слабое вино.

«Время еще есть», – подумал он, заставляя себя успокоиться. В голове по-прежнему плавал туман, мысли сочились капля за каплей, но этот процесс как будто ускорился – к нему возвращалась если не память, то способность рассуждать.

Итак, он в поезде и возвращается домой. В Петербург, к жене и сыну... Вероятно, едет скоростным экспрессом, каким ни разу не катался – пустили недавно, и билеты дороги... Но если купил дорогой билет, значит, дали гонорар в издательстве... Для чего он посетил Москву? Конечно, новый роман привез... только название не вспомнить...

Зато внезапно вспомнился кабинет редактора – крохотная комнатка с письменным столом, парой кресел, сейфом и шкафом, забитым книгами. Вспомнился и редактор, молодой светловолосый мужчина по имени Андрей. На редкость приятный и гостеприимный... Они пробавлялись кофейком и говорили о знакомых... не просто знакомых – писателях... Их имена вдруг всплыли в памяти – Олди, Валентинов, Перумов, Романецкий... Потом Андрей достал из сейфа ведомость и конверт с деньгами. Он расписался, деньги сунул в сумку, на дно, под сверток с едой. Точно, в сумку...

Дьявол! Где же она? Возможно, в этом поезде-экспрессе все сдают в багаж? Чтобы не протащили взрывчатку или пяток гранатометов?

Но если сумка в багаже, то деньги и лекарства должны быть с ним. Как же иначе?... Вынул их и рассовал в карманы...

Он вяло пошарил ладонью по груди, затем у бедра, где полагалось быть карманам, но не обнаружил ничего. «Надо бы встать, проверить...» – мелькнула мысль. Но сил подняться не было.

«Нет, – подумалось ему, – про Олди, Перумова и остальных беседовали в прошлый раз, в апреле. А нынче – май! Месяц прошел, всего лишь месяц... За месяц роман не напишешь, а значит, не было и повода, чтобы поехать в Москву. Зачем же туда отправился? Друзей навестить? Ольгу с Андреем? Но их повидал еще в апреле...»

Знакомые лица всплыли перед ним и тут же растаяли в жемчужном блеске стен. Все же непонятно, куда он ездил и зачем... Но сейчас определенно возвращается. Домой. Экспрессом. Хо́да от Москвы до Петербурга меньше четырех часов. Столько можно выдержать – тем более что неприятных симптомов пока что нет. Не хочется ни есть, ни пить, одна лишь слабость и коловращение в мозгах... Ну, ничего, рассосется! Как-никак врачи обещали, что год он еще протянет. Возможно, даже полтора...

Опустив веки, он представил, как берет свою сумку в багажном отсеке, выходит на перрон вокзала, спускается в метро и едет в Купчино, на южную петербургскую окраину. Зелень вокруг, птицы щебечут, свежо, но не холодно, и окна в квартире распахнуты настежь. Жена, конечно, ждет... глаза встревоженные, нервно подрагивают тонкие пальцы... Всегда волнуется, когда его нет дома. Сын... Сын, вероятно, на работе. Вечером придет, с бутылкой вина, сухого красного... Вино, которое он любит, которое теперь только и пьют в семье. И выпьют в этот раз, а заодно расскажут, куда он ездил и зачем. А еще напомним, какой сегодня день. Ясно, что не выходной – по выходным он никогда в Москву не ездит. Скорее, пятница. Отлежал вчера под искусственной почкой, взбодрился и поехал... Вот только какого черта понесло в Москву?..

Пол под ногами почти неощутимо дрогнул. Он открыл глаза и уставился на прическу сидевшей впереди женщины. Похоже, способность удивляться ожила: он осознал, что видеть этакое произведение куаферного искусства ему еще не доводилось. Фиолетовое, синее, зеленое... все лежит волосок к волоску, волны-локоны неподвижны, и в то же время мнится, будто они стекают один за другим к плечам и шее. «К пляжу, – подумал он. – Для полной гармонии спина должна быть обнаженной, загорелой, золотистой...»

Что-то щелкнуло, и несколько секций стены беззвучно и плавно сдвинулись в сторону. Женщина встала. Она была высокой, гибкой, в легком полупрозрачном платье, но не золотистом, а переливающимся всеми оттенками весенней зелени. Судя по быстрым движениям и экстравагантному наряду, не дама в летах, а молодая девушка... А если взглянуть на лицо?.. Но ее лица, скрытого маской, он не увидел.

Маска? Что за нелепость – маска! Он не успел изумиться, как женщина шагнула в распахнувшийся проем и затерялась в толпе пассажиров.

Человек, сидевший у противоположной стены – тот самый, в желто-алом одеянии, – тоже покинул кресло и выскользнул из вагона. Ткань, обтянувшая его тело, была очень тонкой, не скрывавшей игры мышц и очертаний фигуры – широкие плечи, мощная мускулистая спина, узкие бедра. Больше ничего разглядеть не удалось – парень тоже двигался с завидной быстротой.

Как, впрочем, и остальные пассажиры. Их небольшая толпа растаяла, пока он дивился на женщину в маске и желто-алого мужчину. Он продолжал сидеть у раскрывшейся стены, с удивлением и страхом обозревая то, что, вероятно, являлось перроном: бесконечную ровную серую поверхность со стеклянистым блеском, такие же колонны, уходившие в необозримую высь, и широкие цилиндрические желоба – ближайший был пуст, а в следующем лежало нечто серебристое, сверкающее, похожее на гигантский, тщательно заточенный карандаш. Все чужое, незнакомое и потому жутковатое. Ни бетонных дорожек под металлической кровлей, ни зеленых вагонов, ни табло, ни ларьков и привычных стен Московского вокзала...

Слабость постепенно отступала, но он, не в силах шевельнуться, все еще пребывал в оцепенении. Мысли его смешались, туман в голове сгустился и грозил сделаться совсем непроницаемым; ему казалось, будто он спит или сходит с ума. Опустив глаза, чтобы не видеть огромного пугающего пространства, он стал разглядывать свои руки и колени, смутно сознавая, что с ними что-то не в порядке. Более точные, конкретные умозаключения были ему недоступны – мелькали лишь обрывки фраз, нелепых и неуместных, и столь же нелепое желание закрыть глаза, потом открыть их и проснуться.

Вокзал... здесь должен быть вокзал! Рельсы и поезда между бетонными платформами, оштукатуренные каменные стены, стеклянные двери, лотки с мороженым и лимонадом, носильщики с тележками, люди с вещами... Много людей, сотни, тысячи! Прямо сразу за платформами – главный зал, длинный, высокий и просторный, за ним – зал поменьше, с выходом на площадь Восстания... Слева – вход в метро, вертушки-автоматы для жетонов, эскалаторы... Десять минут до Технологического, пересадка, двадцать минут до Купчино... Сумку бы только не забыть, сумку с лекарствами, едой и, вероятно, деньгами... Где она, эта чертова сумка?

– Выходите, дем! – раздался резкий приказ, и он вскинул голову.

Человек. Мужчина. Крепкий, рослый. Одет в серебристое, блестящее, у плеч и шеи – зеркальные щитки. На лице – серебряная маска, или, быть может, кожа окрашена в серебряный цвет. Позади, в нескольких шагах, – еще один, точно в таком же снаряжении. Свет играет на блестящей ткани, слепит глаза, контуры фигур расплываются, физиономии – словно огромные капли ртути...

Он поднялся, перешагнул узкую щель между полом вагона и перроном, замер, уставившись в лицо серебряного. Стена за его спиной с тихим шелестом сомкнулась.

– Сумка... моя сумка...

– Какая сумка? – Голос мужчины был повелительным, отрывистым.

– Моя. В ней лекарство...

– Зачем?

– Я... я болен... Почки, нефропатия... – Словно желая убедить собеседника, он наклонился и приложил ладонь к пояснице.

– Такой болезни нет, – произнес серебряный и посмотрел на своего напарника: – Верно я говорю, Арал?

– Верно, Гаити. Никогда не слышал про больные почки.

Человек по имени Гаити, сверкнув щитками на плечах, снова повернулся к приехавшему:

– Отправляйтесь, дем, домой. В каком секторе живете? Номер вашего ствола?

– Ствол? Сектор? – тупо повторил он. – Я живу в Купчино, Дунайский проспект, номер дома...

– Чтоб мне купол на башку свалился! – перебил второй серебряный. – Заговаривается дем! Проверь-ка его, Гаити.

Гаити вытянул руку с раскрытой ладонью, в которой поблескивал молочно-белый диск, соединенный с широким обручем на запястье. Приехавший заметил, что его собственное предплечье охватывает похожий браслет с небольшим, размером с сигаретную пачку матовым экранчиком. Диск коснулся браслета на его руке, стремительно заплесали и промелькнули какие-то символы, потом серебряный сухо вымолвил:

– Дакар, потомственный инвертор Лиги Развлечений. Живет в Лиловом секторе, ствол 3073, ярус 112, патмент «Эри». Прибыл в Мобург из Пэрза. Постоянный местный житель.

– Что? Откуда прибыл? – Покачнувшись, приехавший отступил к вагону и прижался спиной к гладкой выпуклой поверхности.

– Отойди от трейна! – рявкнул Гаити, хватая его за плечо. – Из Пэрза ты прибыл, дем, из Пэрза! А здесь – Мобург! Соображаешь?

– Нет. Что я делал в этом Пэрзе?

– Должно быть, мясных червей жрал. – Губы второго серебряного растянулись в ухмылке. – Хорошие в Пэрзе червячки! Понравились, дем Дакар?

– Я не Дакар. Меня зовут... – Он наморщил лоб в мучительном усилии, посмотрел на лица мужчин, покрытые блестящей амальгамой, и выдохнул: – Павел... меня зовут Павел! Я не инвертор, я писатель из Петербурга. Я...

В голове у него слегка прояснилось. Он еще не мог понять, как очутился в поезде, куда уехал и зачем и почему, вернувшись, попал в это странное место. Такие вопросы пока представлялись чередой загадок, столь же неясных, как исчезнувшая сумка и отсутствие лекарств. Но имя свое он вспомнил. Имя, отчество, фамилию, литературный псевдоним – все, что было в документах. А документы – паспорт и членский билет Союза писателей – лежали в бумажнике, во внутреннем кармане пиджака. Пожалуй, самое время их предъявить...

Снова, как тогда в поезде, он начал шарить по груди, пытаясь добраться до кармана, и вдруг заметил, что облачен не в пиджак, а в некое подобие свитера. Ткань тонкая, шелковистая, и под ней – ни майки, ни рубашки. Вместо костюмных брюк с наглаженными стрелками – облегающие синие рейтузы, на ногах – сапожки, легкие, почти невесомые. А кроме того – браслет с экраном на левой руке. Красивая штука, но совершенно непонятная...

В смущении он пробормотал:

– Это не моя одежда... точно, не моя... И сумки нет... ни сумки, ни лекарств, ни документов... Где я? Куда я попал? Что здесь за город? Петербург?

Серебряные переглянулись.

– Гарбич, Гаити, – произнес второй, которого звали Аралом. – Вроде бы тихий он, неоттопыренный, а не пойму, партнер, о чем толкует. Считай гарбич, а я медиков вызову – думаю, это по их части. Ну, а буяннить примется, газа дай понюхать. Газ, он хорошо успокаивает.

Рука с белым диском в ладони снова потянулась к нему, но не к браслету, а к голове. Он попытался отступить, но серебряный крепко держал за плечо, потом, с профессиональной сноровкой запуская пальцы в волосы, дернул, заставляя наклониться. Теплая пластина диска прижалась ко лбу, в воздухе снова замелькали символы, и Гаити, удовлетворенно хмыкнув, произнес:

– Точно, Дакар. Наш, из Мобурга. Возраст – сорок четыре.

– Мне пятьдесят семь... – начал он, но пальцы серебряного вдруг двинулись дальше, к макушке и затылку, нашаривая что-то в волосах.

– Э, да у него пситаб! Наверное, настройка сбилась, вот чушь и несет... – Пальцы надавили кожу в затылочной впадине, и он ощутил, что в этом месте закреплен какой-то предмет – совсем небольшой, размером с ноготь.

– Пситаб, – повторил Гаити, все еще придерживая его за плечо и пригибая голову. – Похоже, ты прав, партнер, насчет Медицинского Контроля. Из их клиентов!

Он отпрянул, уперся руками в грудь серебряного, стараясь то ли вырваться, то ли оттолкнуть, и невольно заглянул в щиток. Чуть изогнутая зеркальная поверхность была на расстоянии тридцати сантиметров от его глаз, и в ней отражалось лицо – молодое, с упругой гладкой кожей без морщин, довольно приятное и абсолютно чужое. Не его!

Вскрикнув, он медленно сполз к ногам Гаити и потерял сознание.

Глава 2

Крит

Главной причиной наступающего упадка является истощение невозполнимых ресурсов; дополнительными – экологический кризис, возможный демографический взрыв, вызов со стороны международного терроризма, а также национальные и религиозные противоречия. В дальнейшем эти причины будут рассмотрены более подробно.

**«Меморандум» Поля Брессона,
Доктрина Первая, Пункт Второй**

Нелегкое дельце, но выгодное. Гниль подлесная – пятьсот монет! За этикие деньги я притащил бы Борнео не только гарбич из Джизаковой башки, но и саму башку, с ушами, носом и остальными деталями. Хотя пилить пришлось бы долго – шея у Джизака потолще червя-ассенизатора.

Мы с ним давние знакомцы, с этим Джизаком. Оба из Мобурга, оба из Свободных наемников, и оба воевали, только в Тридцать Второй ВПК я бился за Фруктовых, а он – за Мясных. То есть сперва он подписал контракт с Фруктовыми, попал в мою центурию и воевал в ней ровно десять пятидневок, но после побоища в Лоане переметнулся. В общем, случай рядовой – любого пленника-бойца стараются завербовать, а не отправить на компост в сельскохозяйственную латифундию. Не знаю, как поступил бы я сам на месте Джизака – мне-то повезло убраться из Лоана, хотя и с кое-какими потерями. Руку я там оставил, правую, по локоть. Можно было бы потом клонировать ее в ГенКоне и пришить, однако биопротез с учетом нынешних моих занятий неизмеримо полезнее. Четверть века его таскаю, и никаких претензий.

Вернувшись в Мобург после Тридцать Второй, я нанялся в обры, в Службу Охраны Среды, откуда меня в чине комеса лет через восемь вышибли – за излишнюю резвость. Конго, гранд СОС, заметил, что таким резвым лучше в диггерах, чем в стражах. «Хороший совет», – подумалось мне. Пошел к диггерам, сначала к обычным, из ОБР, потом к Черным пачкунам, излазил Щели и Отвалы, подался в крысоловы, повоевал еще в трех войнах, в Линне связался с блюбразерами, но их идеи меня не увлекли. Нет, не увлекли! Я скорее практик, чем теоретик, и не люблю пустопорожних рассуждений. Все эти мифы о Поверхности, о Синих Небесах и Зеленых Равнинах не для меня. Споры, рассуждения, концепции и постулаты, аргументы и контраргументы... Чушь! Самый веский аргумент – в моем протезе: «ванкувер» приличного калибра.

Словом, пестрая выпала мне жизнь, не то что у Джизака. Он служил в «Мясном Картеле Эвереста», но подданства не принял и года три назад объявился в Мобурге. По виду – прямо бизибой! Сытый, холеный, в голографических обертках и с маской на роже. Поболтался в Лиловом секторе, в Розовом и Синем – конечно, в подлеске, где обитают капсулы, – навербовал банду в пол-оравы и исчез. А потом у Борнео и других Фруктовых случились неприятности.

Ну, неприятности бывают разные – то повидло скиснет в чанах, то пчелы сдохнут или черви, то компост не той кондиции, однако уничтожить латифундию и три десятка подданных – это уже слишком! За этикие фокусы положена не каторга у диггеров, а измельчитель или натуральные крысюки! Крысы и были бы всей Джизаковой компании, если бы вмешалось ОБР, но латифундии к Общественным Биоресурсам не относятся. Латифундии, закрытые зоны, естественные полости – словом, все, кроме жилых куполов, Хранилищ и трейн-

тоннелей – дело частное, корпоративное; вас обидели – сами ловите, посылайте своих партнеров. А если подходящих не нашлось, придется нанимать Охотника. Меня, значит...

Вот на такие темы я размышлял, сидя на кольцевой дороге, за подлеском Синего сектора. Пекси, мой биот, дремал рядышком, сложив крылья и поджав мохнатые лапки; в его огромных фасетчатых глазах мерцали отблески далеких огней. Кончалась последняя четверть, близился период сна, стены стволов уже стали тускнеть, но купольный свет был еще ярок. Слишком ярок, чтобы карабкаться к щели.

В это время суток на дороге пустовато. Впрочем, и в иные часы тут никого не встретишь, кроме трудяг из Службы Ремонта на красных автокарах. Ради них и проложили дорогу – трехсоткилометровое кольцо из тетрашлака с люками шахт, ведущих на ярус коммуникаций. Я там поползал, вкалывая в Службе Диггеров... Ничего интересного – теснота, полумрак, запах озона около энергетических станций и жуткая вонь у сливных коллекторов.

На город смотреть интереснее, чем на дорогу. Отсюда он виден как бы со стороны: лес сияющих стволов-колонн, заполнивших пространство от дна до самого купола, ветви-переходы воздушных улиц, террасы, галереи, площади, площадки, повисшие на головокружительной высоте, плавные течения биотов и авиеток, среди которых изредка мелькают темные грузные скафы... Красота! Особенно на исходе последней четверти, когда в лесу гаснет ствол за стволом и только районы Центра блестят и светятся огнями.

Я встал, ощупал грудь, живот и бедра, чтобы проверить, хорошо ли прилегла броня. Панцирь у меня отличный, с защитным капюшоном, который можно натянуть на голову. Я снял его с телохранителя Амьена, гранда Третьей Алюминиевой Компании в Сабире, когда алюминщиков прижали Трест Цветных Металлов и Металлургический Союз. Я сражался за Союз и, согласно офицерскому контракту, имел законное право на трофеи. Не знаю, из чего и как соорудили эту броню – вид у нее неприглядный, однако я бы не расстался с ней даже за тысячу монет. Гибкая, прочная, движений не стесняет, к тому же не пробьешь ни пулей, ни разрядником... Ручным разрядником, конечно, таким, какой был у меня в Сабире. И пошел бы я там на компост, располосованный телохранителем Амьена, если бы целился в сердце или, положим, в печенку. Но я всегда стреляю в лоб. В лоб как-то надежнее, хотя сегодня это правило придется отменить – из развороченной Джизаковой башки гарбич не считаешь.

Экран на моем браслете мигнул, знаменуя начало новых суток. Стволы в подлеске и лесу едва светились, кристаллитовый купол тоже померк, и лишь в Центре, в сорока километрах от меня, переливалось разноцветное яркое зарево, облачком темной пыли кружили биоты, сияли золотистым огнем верхушки зданий ратуши, ВТЭК и Колонн Развлечений. Отвернувшись от этого зрелища, я погладил Пекси по хитиновому загривку и сказал:

– Жди меня здесь, малыш, и не скучай.

Потом вытащил из контейнера за седлом присоски и тепловые очки-бинокляр, закрепил то и другое в положенных местах и быстро пересек дорогу. За ней, охватывая город несокрушимым барьером, вздымалась трехсотметровая стена, отвесный шероховатый путь к тому объекту, который у блюбразеров именовался Небесами. Правда, они толковали о Небесах из воздуха и пустоты, а наше небо гораздо более конкретно и вещественно: купол из армированного стекла.

Впрочем, до самого купола я лезть не собирался. Хватит и половины высоты; там, метрах в ста сорока, темнел довольно широкий разлом, именовавшийся Крысиной Щелью. Форма почти треугольная – в самом деле напоминает крысиную пасть. Спаси и сохрани нас Пак от этакой гибели...

Я активировал присоски и шустро полез наверх. В инфракрасном бинокляре казалось, что стена испускает ровное неярко белесоватое сияние, как и положено неорганической материи. Зато левая моя рука светилась алым, а биопротез – розовым: его температура поменьше, чем у живой плоти. Конечно, пока не проснулся «ванкувер»...

Проще было бы подняться к щели на биоте, но Пекси – шмель, а они жужжат и гудят погромче авиеток. Скрытно не приблизишься, а у Джизака, конечно, есть сторожевые. Он вовсе не глуп, этот Джизак, шкуру побереечь умеет. Хотя сомневаюсь, чтобы он мог измыслить план уничтожения целой латифундии – тут размах другой, тут не о шкуре речь, ума побольше требуется. Борнео ничего мне не сказал, но совершенно ясно, что это была акция Мясных. В общем-то, я не против таких демаршей: не было б диверсий и войны – не было б работы. Кроме того, они неизбежны. Мы живем в обществе изобилия, оно порождает конкуренцию, а конкуренция – самый веский повод к драке. То Мясные прижмут Фруктовых, то Фруктовые – Мясных... А там, глядишь, сцепятся Химические Ассоциации, Компании Стволов или Оружейный Союз поперет на металлургов... Лично я не против. Чем им заняться, королям и грандам, если не рынки делить? Пусть себе делят, лишь бы Первый Догмат не трогали. Ну, а кто тронет, тому ВТЭК и ОБР выдадут по справедливости: или крысы, или измельчитель – и на компост!

Поднявшись почти до самой щели, я остановился, сдвинул бинокляр на лоб и решил передохнуть. Вид отсюда изумительный: тающий в сумраке город, темные призрачные громады стволов, купол, подернутый пепельной дымкой, а внизу – огромное пространство, полное воздуха, жизни и тепла. Эта картина открывалась прямо подо мной, а правее, километрах в двадцати, прилепился к стенке полуцилиндр Третьей трейн-станции, что в Лиловом секторе, массивное многоярусное сооружение под раструбом воздуховода, с магнитными кольцами, шлюзами и тоннелями Вилс-Варш-Линн и Кив-Пага. Кроме этих межкупольных линий были там и местные, короткие, ведущие к Хранилищу, производственным зонам и латифундиям, в том числе к одной из плантаций «Хика-Фруктов», чьим отделением в Мобурге командовал Борнео. Не знаю, что уж там выращивали, груши-яблоки, сливы-бананы или, положим, капусту, но нынче на этой плантации только компост да червяки. Не считая трупов, разумеется.

При всякой латифундии есть контейнеры с червями. На вид такие высокие башни, расположенные по периметру; сверху в них подается вода и засыпаются отходы из городских коллекторов, фекалии, остатки пищи, пластика, бумаги и прочего добра, а черви-ассенизаторы перерабатывают этот мусор в удобрение. Очень эффективная система, одна из главных в нашем безотходном производстве. Функционирует она лет восемьсот, с Эпохи Взлета, и действует по схеме: пища – дерьмо – компост – пища. Черви, конечно, чипированы, так что их поголовьем можно управлять; на сборе плодов трудятся джайнты, а все остальное – световой режим, полив, распределение компоста, переработка в соки – регулируется с пульта дежурной сменой в десять-двадцать человек. Все, конечно, партнеры и потомственные агротехники, подданные корпорации, ибо Свободных на эту работу не нанимают. Охрана тоже есть и тоже из партнеров, ну а какие из них бойцы? Фирма все же продуктовая, не Оружейный Союз...

Позавчера, в начале пятидневки, села в трейн очередная смена. Все как положено: главный – в маске, при регалиях, младшие партнеры – в форменных обертках, чехлы до колен, сумки с пайком, бляхи надраены, браслеты-обручи сверкают. Сели, значит, и отбыли в латифундию, а через полчаса вернулась отдежурившая смена, тоже в обертках, при значках и обручах. Никто их на станции не разглядывал – вышли из трейна, спустились к биотам да авиеткам и разлетелись кто куда, вкушать законный отдых. А еще через час помощник Борнео в «Хика-Фруктах» доложил, что с латифундией нет связи. Ни связи, ни рапорта на терминал, что приступили к дежурству... Моча крысиная! Ну, всполошились, послали инспектора с оравой стражников – а по плантации лишь черви ползают и доедают трупы джайнтов и деревья.

Потом нашли работников-партнеров – тех, кто вроде бы уехал на латифундию. Ктодохлый в своем патменте, кто оттопыренный в прах, кто дремлет под сонную музыку... В

общем, не они садились в трейн, а некие другие личности: приехали, открыли сумки, вынули разрядники, сожгли охрану с агротехниками и выпустили червяков. Вражьи происки, не иначе! Борнео так и решил, а может, ему подсказали, где виновника искать. У гранда подсказчиков много, а кто они, со мной он этим не делился. И не надо; меньше знаешь, крепче спишь.

Передохнув, я опустил со лба бинокляр и снова двинулся наверх. Для подобных упражнений протез незаменим: искусственные мышцы меньше устают, не говоря уж о том, что хватка у пальцев железная. Еще, разумеется, «ванкувер»... Он вмонтирован вместо кости, ствол выдвигается из запястья, дернешь пальцем – выстрел, сжатый кулак – очередь. Полезная штука! Ближе и роднее панциря – броню я все-таки снимаю, а вот протез не отстегнешь, не снимешь. Носить его до самой эвтаназии, и на компост пойдем мы вместе... Женщины, правда, жалуются – рука, говорят, холодная. Но одалиски ничего, не возражают.

Обогнув щель с левой стороны, я добрался до самой высокой точки и перелез на потолок. Там замер, осматриваясь и принимаясь. Охрана, конечно, была: один, с разрядником, прятался у самой кромки, другой, похоже, спал – рядом с авиеткой и четырьмя биотами. В бинокляре они казались расплывчатыми красными фигурами, но голову от тела я отличил без труда. Всадить бы каждому по пуле в лоб! Но рано, рано... Не нужно повода для подозрений – вдруг Джизак захочет с ними пообщаться и выяснит, что часовые замолчали.

Я осторожно пополз по щербатому, в трещинах потолку, затем перебрался на стену. У самого входа щель была треугольной, с изломанными краями и, как уже упоминалось, похожей на приоткрытую крысиную пасть, куда спокойно могла бы въехать пара скафов. Дальше она сужалась и становилась цилиндрической, вроде трубы диаметром метров десять, с довольно ровной поверхностью, будто бы высверленной в граните чудовищным сверлом. Многие щели похожи на эту, и тянутся они шагов на пятьдесят, на сто и даже на двести, как щель под названием Прямая Кишка. Но есть совсем с другой конфигурацией, сравнительно мелкие и невысокие (кое-где не выпрямишься), зато широкие горизонтальные разрезы. Или вертикальные – эти узкие, тоже неглубокие, но в высоту тянутся от кольцевой дороги почти до самого края купола. Не знаю, зачем их вырубили предки и как им это удалось. В Службе Диггеров считается, что в древности тут, как и в других городах, была природная полость, населенная крысами, червями и всякой хищной дрянью, так что предки скрывались по щелям. В них и жили до Эпохи Взлета, когда всю эту мерзость прикончили и выстроили Мобург, соединенный тоннелями с другими куполами.

Так себе гипотеза. Мадейра, мой приятель, говорит, что непонятно, как добирались предки до своих жилищ (скала-то отвесная!), и что в щелях нет ни старинных орудий, ни костей. Может, все на компост перевели во время Взлета? Хотя, случается, находят кое-что – например, железный шестигранник, здоровенный, по пояс рослому мужчине, с дыркой в центре и спиральной резьбой. Теперь он перед ратушей стоит, на Смольной площади – что-то вроде символа Мобурга...

Пол щели был засыпан пылью, щебнем и камнями, свалившимися с потолка и стен. Всякие камни – мелкие, с кулак, побольше, размером с человеческую голову, а есть и такие, что крупнее биота. Можно спрятаться, и я, стараясь не скрипеть и не шуметь, передвигался от глыбы к глыбе по всем канонам военного искусства, полусогнувшись, где бегом, где шагом, а где на четвереньках. К тому же помогала темнота: обзор в бинокляре был хороший, а у Джизаковой братвы вряд ли имелся столь редкостный прибор. Хотя кто их знает... могли достать через Мясных у оружейников... Свой бинокляр я приобрел у пачкунов, у Черных Диггеров, за двести пятьдесят монет и одалиску. Очень неплохая кукла, грудастая блондинка, обученная лепетать и вскрикивать в нужные моменты... Тоже тянула на пару сотен.

Заметив световое зарево, я притормозил у большого обломка, чтобы еще раз проверить снаряжение. На бедрах – ножи, еще один – в чехле у колена, через плечо – перевязь с гранатами, обоймами и дротиками, под левой рукой, у пояса – разрядник, ну и, разумеется, протез... Я сдвинул пластинку под локтем, вставил в паз обойму, натянул капюшон и приподнял тепловые очки. Потом высунулся из-за камня.

Диспозиция была такой: в воздухе – световой шарик, а под ним, в самом конце щели, двадцать одна мишень. Одни спят, другие закусывают, третьи в шост играют, четвертые оттопыриваются, передавая друг другу баллончик с «веселушкой»... В общем, мирная картина. Шестнадцать типов в фантиках от «Хика-Фруктов», в зеленых форменных комбинезонах; ясно, что это налетчики с плантации. Пятеро, по виду – капсулы, одеты более разнообразно: один раскрашенный, один в коричневой хламиде, трое в каком-то рванье. Эти без оружия, а у тех, кто в форме, есть разрядники.

Разрядник я не люблю и пользуюсь им не часто. Работа не позволяет – случается, заказчику нужно труп предъявить, а не кусок обугленного мяса. Мясо – мясо и есть, даже Пак не разберется, кому принадлежит, особенно если башка разворочена и гарбич не считаешь. А при лучевом поражении личный код теряется за три минуты.

Джизак сидел в компании игравших в шост, подкидывал цветные палочки и скалил зубы – должно быть, удача привалила. Сидел без маски, с открытой рожей, словно желая избавить меня от сомнений, кого прикончить первым. Быстро и безболезненно – как-никак бывший товарищ по оружию... На мгновение припомнились мне Лоан и наша славная центурия, оборонявшая контору «Пищевые Растительные Продукты», – затянутые дымом ярусы, вопли и хрипы, гудение разрядников, трещины в стенах, едкий запах расплавленного армстекла, слепящие вспышки гранат, и мы с Джизаком у ручного огнемёта... С другой стороны, в партнерах я его не числил, и потому о прошлом вспоминать не стоило. Дела вчерашние, а нынче у меня контракт. Контракт, и ничего, как говорится, личного.

Я выскользнул из-за гранитного обломка и прострелил Джизаку сердце. Затем – световой шар; он лопнул с едва слышным треском, и щель затопила темнота. Еще четыре выстрела – четыре трупа... Только тогда живые сообразили, что происходит, и вскинули разрядники.

Десяток молний сверкнул во мраке, бок и висок обожгло, но я уже катился по полу и бил короткими очередями. Камни поскрипывали под броней, хрипло рывкал «ванкувер», шипели в воздухе разряды и пахло паленым мясом – наверное, задел кого-то из своих. В бинокляр я видел, как мечутся ярко-алые фигурки, скачут, дергаются, размахивают руками – и падают, падают...

– Свет! – выкрикнул кто-то. – Нужен свет!

Одна из фигурок стремительно согнулась, подбросила кверху шарик, и я без промедления швырнул гранату. Не газовую – осветительную. Белое сияние заставило меня прищуриться, но лишь на миг, тогда как ослепленные мишени замерли с оружием в руках, скорчившись и прикрывая глаза ладонями. Потом двое или трое выстрелили наугад, над плечевым щитком брони мелькнула молния, я выпалил в ответ и обнаружил, что обойма кончилась. Впрочем, вооруженных бандитов осталось четверо, и я добил их дротиками. Дротики с ядом ничем не хуже пуль – конечно, на небольшой дистанции. Она и была как раз подходящей – от десяти до двадцати шагов.

Граната догорела, и теперь только плавающий в воздухе шар разгонял темноту. После ослепляющего блеска свет его казался тусклым и каким-то неживым.

Я опустил капюшон, избавился от бинокля и произнес:

– Можно подняться и открыть глаза. И не тряситесь, гниль подлесная, – вы в моем контракте не значитесь.

Живые – раскрашенный, тип в хламиде и трое остальных – медленно встали, озираясь с ошеломленным видом. Раскрашенный, с синими полосками на щеках и мелкими голубыми ромбами на спине, груди и ягодицах, выдавил:

– Кх-то? З-зачем? З-за что?

– Крит, Свободный Охотник, – представился я, вытащил пустую обойму и отшвырнул ее. – Интересуешься, зачем и за что? Хороший вопрос! Джизаку ты его не задавал?

Он помотал головой. Лицо у него было ошалевшее: губы дрожат, клок сиреневых волос свисает на лоб, струйки пота текут по щекам к подбородку. Остальные выглядели не лучше.

– Повернуться к стене, расставить ноги, руки за голову, – приказал я.

Они торопливо повиновались.

Разбираться с ними было ни к чему. Явные капсулы, которых Джизак, вероятно, взял в команду для экспедиций в подлесок за пищей, питьем и световыми шариками. На бойцов они не походили и помешать мне не могли.

Я осмотрел броню, отметил темные пятна на левом боку и левом плечевом щитке и помянул добром того сабирского ублюдка. Надежный панцирь мне оставил, ничего не скажешь! Затем вытащил диск считывателя и, прилепив его к ладони, подождал, пока на экранчике браслета не промелькнет сигнал готовности. Дождавшись, шагнул к распростертому в пыли массивному телу Джизака, опустился на колено, прижал ладонь к его виску, полюбовался пляской призрачных, медленно гаснувших голографических всполохов. Самый ответственный момент: запись распада гарбича в гибнущем мозге... Без этого монеты мне не видать! Информация, которую записывал сейчас мой обруч, была свидетельством того, что мой контракт исполнен, что я пришел Джизака, а не другую личность с очень похожей физиономией. Сходство в нашу эпоху генной инженерии стоит сравнительно недорого – в любом филиале ГенКома изобразят, по самым умеренным расценкам. А гарбич, он же – личный код, так просто не подделаешь. Сомневаюсь, что он вообще доступен подделке: его впечатывают младенцу в подкорковую область правого полушария, и занимается этим не частная фирма, а Медицинский Контроль. Секретный процесс, Пак меня заведи! И очень надежный: если у покойника цела башка и нет обширных поражений, гарбич можно считать минут через десять-двенадцать после клинической смерти.

Я закончил с Джизаком, снял с его руки браслет и сунул за пояс. Поднялся, бросил взгляд на пленников.

– Повернитесь, щеляки!

Они сделали это с покорностью – точь-в-точь как куклы-одалиски по хозяйскому приказу. Лица, искаженные страхом, слюнявые рты, потухшие глаза... По крайней мере, у четверых; пятый, с рожей в синюю полоску, вроде начал оживать.

Я ткнул его пальцем в голый обвисший живот.

– Имя?

– Парагвай.

– Статус?

– Подданный Лиги Развлечений... хоккеист...

Вот это да! Не капсуль! Брови мои полезли вверх.

– Значит, хоккеист из Лиги Развлечений... дем с образованием и, разумеется, не нищий... А как сюда занесло? Чего ты в этой щели не видел?

Он поворачивал головой, будто заново осматривая каменную трубу, пол, заваленный обломками, покрытый мелкой пылью, колыхавшийся в воздухе шарик со светящимся газом, трупы в зеленых обертках и жалких своих товарищей. Потом с заметной ноткой превосходства вымолвил:

– Вряд ли вы поймете, Свободный Охотник. Ваша профессия – ремесло, моя – искусство, и в этом огромная разница. Просто гигантская! Вы, дем, трудитесь, чтобы жить, я суще-

ствую, чтобы творить и созидать. А творчество не подчиняется логике, не терпит насилия и умирает без пищи для ума и чувств, без развлечений, без любви, без аромата опасности и авантюры. Словом, я нуждаюсь... как бы это выразиться... – он пошевелил раскрашенными пальцами, – нуждаюсь в смене обстановки, в знакомствах с новыми людьми и в сильных, ярких впечатлениях. Поэтому я здесь.

– Думаю, впечатления были достаточно сильными, – заметил я и покосился на трупы. – Вот что, дем Парагвай, когда захочешь снова поразвлечься, ты меня найди. Или я тебя разыщу... К манки заглянем, в Яму Керулена за Старыми Штреками, а после отправимся крыс ловить для вашей Лиги Развлечений... Согласен?

Он вздрогнул при упоминании о манки и крысах, втянул живот, но после секундного колебания хрипло выдал:

– Согласен. Я живу в Лиловом секторе, дем Охотник. Ствол 3073, ярус 112, патмент «Бронзовый фонарь». Бываю в допинге, что в переходе на третьем ярусе, в «Сине-Зеленом»... еще в Тоннель заглядываю, в «Подвал танкиста»...

Знакомый адрес. В этом стволе жил кто-то из моих девушек-приятельниц: то ли Атланта, то ли Микатарра, а может, Эри... Ну, разберемся, если нужда придет. Разберемся, навестим Парагвая и пригласим погулять в Старые Штреки. Хорошая будет приманка для крыс! Польстятся ли только на него, такого расписного?..

Я ухмыльнулся и подтолкнул хоккеиста к выходу из щели.

– Рад знакомству, дем Парагвай. А теперь уноси ноги! Этих капсулей возьмишь с собой и тех двух прихвати, что дрыхнут рядом с биотами. Биоты – вам, а авиетка – мне... Улетайте! Я ваши обручи проверять не стану и вообще вас тут не видел. Однако минут через десять буду у выхода и, если не уберетесь, сдам в «Хика-Фрукты» на компост.

Благодарно кивнув, Парагвай прижал левую руку к сердцу, отвесил низкий поклон и резво затрусил по камням. Тип в хламиде и трое оборванцев не отставали от него ни на шаг. Через недолгое время скрип щебенки под их подошвами затих, потом послышалось жужжание, и наконец наступила тишина. В щели остались только я и шестнадцать трупов.

Надо бы их осмотреть – так, для порядка...

Стандартная униформа, зеленая, как и у всех партнеров-подданных Фруктовых. Их обертки различаются оттенком и эмблемой: у «Хика-Фруктов» цвет глубокий, изумрудный, с серой ветвью у плеча, а, например, компания «Сан» предпочитает посветлее, и эмблема у них – колосья. Эти же символы на значках; у младших партнеров они небольшие, у старших – бляха размером с ладонь, такая, как на Джизаковом трупе. Эмблемы есть на обручах, и, осмотрев их, я выяснил, что обручи у мертвых щеляков свои, а краденые свалены в контейнер со всякими отбросами: батарейками от разрядников, пищевой упаковкой, выгоревшими шарами и баллончиками из-под «веселухи» и «шамановки». В самом дальнем конце щели обнаружилось хранилище: кое-какая одежда, гипномаски, пигмент для раскрашивания, баллоны с оттопыровкой, световые шары, пакеты с соками, джемом и пищевыми капсулами. Здесь же валялись надувные матрасы, и на одном из них блестела яркими красками солидная кучка клипов. Пошевелив ее ногой, я выяснил, что тут по большей части сон-музыка и эротические бустеры.

Бывает, конечно, что бустеры смотрят в одиночку, но все же чаще парами. Эта мысль заставила меня вернуться к мертвецам и изучить их повнимательней. Так и есть: девять мужчин, считая с Джизаком, семеро баб. Одна по виду молодая, будто вчера из инкубатора, две или три такие красотки, что одалискам не уступят... Я бы, во всяком случае, не отказался. Я человек широких взглядов и признаю, что каждая из разновидностей слабого пола имеет свои преимущества. Одалиски покорны, доступны, красивы и абсолютно стерильны, но с женщиной можно поговорить и сделать ей ребенка. Добрым старым способом... Гораздо приятней и лучше, чем размножаться с помощью клонирования или партеногенеза.

Еще раз оглядев покойников, я зашагал к выходу, соображая по дороге, чем соблазнил их Джизак. С самим Джизаком все было ясно и понятно: такой же профи, как я, работник на контракте. Но остальные? На деньги польстились? На обещание подданства? Или, как Парагвай, жаждали новых ярких впечатлений?

Капсулей понять непросто. С одной стороны, жизнь у них не медовый напиток, с другой – не голодают все-таки, доля из Хранилищ им идет, угол в стволах обеспечен, клипы опять же дают, баллоны с оттопыровкой, какая послабее... А если есть желание, так можно и потрудиться. Желания, однако, нет, а есть неприязнь к подданным и тем Свободным, кто не чурается работы. Ликвидировать их – проще некуда: запрет на размножение от Медицинского Контроля, и через пару столетий следа не найдешь. Но, как считают в ОБР, капсулы – те же биоресурсы, нечто подобное энергии, воде и воздуху, наш запасной генофонд. И прокормить их обществу тотального благоденствия не в тягость.

Округлый свод щели пошел трещинами, взметнулся вверх широким треугольником, и под моими ногами разверзлась пропасть. Постояв на краю и полюбовавшись на город, я ткнул пальцем кнопки на браслете и вызвал контору «Хика-Фруктов». Там, разумеется, не спали: ответила Лима, помощница Борнео, – ее гигантская голова повисла передо мною в воздухе, заслонив Третью трейн-станцию.

– Конечно, – произнес я.

– Гарбич? – сухо осведомилась Лима.

– Запись тут. – Я приподнял левую руку с браслетом, заставив покачнуться огромную голографическую голову.

– Сколько их было?

– Шестнадцать, считая с Джизаком. Его обруч у меня, остальные соберете сами. Браслеты ваших партнеров лежат в контейнере, форма – на трупах, оружие тоже при них.

– Очень хорошо, дем Крит, просто великолепно! – На этот раз Лима соизволила улыбнуться. – Мы пришлем скаф с охранниками, они почистят щель... сейчас распоряжусь... – Она отвернулась, потом вновь поглядела на меня: – Вас забрать с карниза? Думаю, вы слишком устали, чтобы спускаться к дороге...

Чтоб мне на компост пойти! Невероятная забота о моем здоровье! Впрочем, скорее всего, мой вид в броне с подпалинами, с торчавшим из запястья дулом «ванкувера» внушил Лиме почтение.

– Я не устал и сам решу транспортный вопрос. – Щелкнув пальцами, я спрятал оружие и полюбопытствовал: – Мои пятьсот монет?

– Приготовлены и ожидают вас. Но досточтимый гранд Борнео пожелал, чтоб вы явились к нам не в этот день, а завтра. Скажем, в середине третьей четверти.

– Это еще почему?

Заметив, что я нахмурился, Лима одарила меня новой улыбкой.

– Возможен еще один контракт. Даже весьма и весьма вероятен... Вы ведь не откажетесь, Свободный Охотник Крит?

– Может быть, не откажусь. Но все мои новые контракты связаны с двумя вопросами. Первый – сколько?

– А второй?

– Тоже – сколько?

– Вот об этом мы сейчас и размышляем, – сообщила Лима и отключилась.

Ухмыльнувшись, я направился к авиетке, оставленной мне Парагваем, влез в просторную кабину, посидел там пару минут и запустил мотор. Надо же, о новом контракте размышляют и о цене! Довольны тем, как разобрался с Джизаком Свободный Охотник Крит... А если о цене задумались, значит, цена немалая, где-то за тысячу монет... Не продешевить бы!

Хотя, с другой стороны, я не завален предложениями. Нынче в Мобурге тихо, и серьезной работы меньше, чем Охотников.

С негромким шелестом развернулись крылья, и авиетка понесла меня вниз, к кольцевой дороге, где дремал в ожидании Пекси.

Глава 3

Дакар

Единственным приемлемым выходом из ситуации, отмеченной в Первой Доктрине, является радикальное изменение земного общества абсолютно во всех сферах: социальной, экономической, производственной, культурной и, возможно, биологической. Это изменение в дальнейшем будет называться Метаморфозой.

**«Меморандум» Поля Брессона,
Доктрина Вторая, Пункт Первый**

На этот раз он пробудился в комнате, на жесткой высокой постели, напоминавшей стол. Белые стены, белый потолок, шкафы или, скорее, ниши с какими-то инструментами, яркий, бьющий в глаза свет... Чье-то лицо, склонившееся над ним, с гладкой кожей и мелкими чертами – мужчина или женщина, не поймешь.

– Свет, – пробормотал он, невольно зажмурившись, – свет...

В комнате стало темнее.

– Так хорошо? – раздался негромкий голос.

– Да. – Он открыл глаза и поворочал головой. Потом спросил: – Где я?

– В своем стволе, на медицинском ярусе. Охранники ВТЭК передали вас Медконтролю. Я – Арташат, потомственный врач. Ваше самочувствие...

– У меня был приступ? – перебил он.

– Приступ? Хмм... В каком-то смысле. – Врач выпрямился, отступил, и стало ясно, что это мужчина. – У вас, дем Дакар, немного не в порядке с головой. Так, совсем чуть-чуть... галлюцинации и всякие странные идеи, редкая болезнь, осложненная тягой к наркотикам. Вы были в Пэрзе, на конференции, и перебрали «веселухи». Может быть, «разрядника» или «отпада»... Вас подлечили и отправили в Мобург.

– Подлечили? Как?

– Вот этим. – В пальцах врача вдруг появилась маленькая черная пуговица. – Пситаб, дем Дакар. Психический стабилизатор, который я снял. Очень полезная вещь при вашем заболевании, хотя с побочными эффектами. Возможны провалы памяти, потеря связности речи, беспокойные сны... Но ненадолго, на день-другой.

– Хотите сказать, что у меня поедет крыша?

Арташат недоуменно моргнул:

– Крыша? Какая крыша?

– Ладно, черт с ней, с крышей... Почему вы зовете меня дем?

– А как еще мне вас называть? – Врач нахмурился. – Хотя вы человек известный, однако не гранд и не магистр, тем более – не король... Нет-нет, лежите! – Арташат снова приблизился и надавил ладонями на грудь. – Я ввел вам успокоительное. Скоро подействует, и я провожу вас в патмент... кажется, «Эри»?

– Уже подействовало, – тихо произнес лежавший в постели. Ледяное спокойствие вдруг охватило его. Он, Павел Сергеевич Лонгин, ученый-физик и писатель из Петербурга, никак не мог оказаться в этом странном месте – и все-таки он тут... Тревожные мысли о жене и сыне, о незаконченной работе и болезни, грозившей смертью, не исчезли, но как бы отступили, образуя фон – ясный, отчетливый, но все же фон, тогда как на переднем плане воздвиглись совсем иные декорации: эта комната, полная непонятных приборов, жесткое ложе и человек, назвавшийся врачом. Он поднял руки, поднес их к лицу и принялся разглядывать со слабым удивлением. Руки принадлежали не ему и тоже были частью декорации. Свои

руки он помнил хорошо: тонковатое запястье, небольшая ладонь и пальцы самые обычные, не длинные и не короткие. А тут...

«Здоровая пятерня, – мелькнула мысль, – мощная, красивая... Но не моя».

Арташат, все еще хмурясь, наблюдал за ним.

– Ближайшие сутки вам лучше спать. У вас ведь клипы с сонной музыкой имеются? Вот слушайте и спите... И никакой работы, наркотиков и одалисок! В вашей Лиге часто перебирают, а в результате – психические нарушения и склонность к ранней эвтаназии.

– Эвтаназия... – пробормотал лежавший. – Эвтаназия – это неплохо... Легкая смерть, да? При раке, инсульте, нефропатии... чтобы не мучиться.

– Вы о чем? – Врач удивленно уставился на него.

– О болезнях... неизлечимых смертельных болезнях...

– Таких болезней нет, клянусь Паком!

– А что есть?

– Ранения и травмы, которые требуют пересадки органов. Еще – стрессы, неврозы и психические заболевания, подобные вашему... – Вытянув руку с браслетом, Арташат коснулся его лба и несколько мгновений следил за пляской разноцветных символов. – Все в порядке, дем Дакар. Можете встать.

Он осторожно приподнялся, спустил ноги на пол и выпрямился, придерживаясь за край высокого ложа. Нигде ничего не болело, ни в пояснице, ни в суставах, а главное, не было тянущей боли внизу живота, предвестницы очередного приступа. И никакой слабости! Он чувствовал себя так, будто ему шестнадцать лет и тело – прежнее, юное, легкое и послушное. Мысли тоже прояснились, и не было в них страха и тревоги – он ощущал лишь умиротворяющий покой.

– Неплохо, – произнес следивший за ним врач. – Успокоительное будет действовать еще минут пятнадцать. К этому времени вам лучше уснуть.

Стена напротив ложа раздалась. «Лифт», – подумал он, шагнув вслед за врачом в просторную кабину. Белесая дымка заволокла входное отверстие, едва заметно дрогнул пол.

Вверх, вверх, вверх, вверх...

– Меня привезли охранники из ВТЭКа?

– Да.

– А что такое ВТЭК?

Арташат хмыкнул.

– Даже этого не помните, дем Дакар?

– Вы же сказали, что будут провалы в памяти. Значит, уже начались.

– Пройдет, не беспокойтесь. – Секунду помолчав, врач сообщил: – ВТЭК – это Всемирная Транспортно-Энергетическая Корпорация. В ее ведении тоннели, сети энергоснабжения и связи, трейны и трейн-станции.

– Трейны?

– Пассажирские и грузовые поезда. Вы прибыли в Мобург на трейне.

Лифт остановился, и они вышли в широкий безлюдный коридор. Под ногами – серое пружинящее покрытие, вверху – расписанный яркими узорами потолок, в стенах – двери. Коридор шел кольцом, обнимая лифтовую шахту.

– Сюда. Вот ваш патмент. – Арташат мягко подтолкнул его к одной из дверей. – Патмент «Эри». Узнаете?

Ничего не ответив, он коснулся створки с краткой надписью, подождал, пока она не скроется в стене и переступил порог.

– Ложитесь, дем Дакар, – напутствовал врач. – Сутки сна, и вы припомните, что такое ВТЭК и трейны. Ну, а если не припомните, придется полечиться. Пситаб, транквилизаторы и на самый крайний случай курс ментальной терапии.

Дверь за спиной врача закрылась. Оставшись один, он огляделся.

Ничего интересного: маленькое помещение, коридорчик, совсем пустой, если не считать экрана под потолком. В конце – такая же белесоватая дымка, как наблюдавшаяся в лифте. Он сделал три шага, погрузил в нее руку, прошел насквозь и очутился в комнате.

Не комната – целая зала, побольше его купчинской квартиры. Формой она походила на клин или вытянутую трапецию: от того места, где он стоял, стены разбегались к основанию – дальней торцевой стене, округлой, длиною метров восемь. Молочно-белый потолок неярко светился, и находившиеся в комнате предметы не отбрасывали теней. Не двигаясь, он рассматривал их со странным чувством: вроде бы все чужое и в то же время – знакомое.

Низкое ложе-полумесец у торцевой стены, с двумя миниатюрными фонтанчиками по краям – их хрустальный перезвон был единственным звуком, нарушавшим тишину. Слева, в широкой части комнаты, – камин, на каминной полке – вазы или небольшие изваяния, а перед камином – два уютных кресла и круглый столик. Напротив, у другой стены, еще один стол, длинный, явно рабочего назначения, с какими-то приборами на нем. Узкая часть помещения выглядела пустой, но стены здесь были не гладкими, а будто бы набранными из вертикальных высоких панелей. «Шкафы», – подумал он, но не попробовал их открыть, а двинулся к камину.

В его гранитном чреве пылал огонь, однако тепла – или тем более жара – не ощущалось. Поколебавшись, он осторожно вытянул руку, вздрогнул, когда пальцы проткнули камень и чугунную решетку, коснулся пламени и буркнул: «Иллюзия, мираж! Наверняка голограмма...» Затем осмотрел кресла и круглый стол. Кресла были покрыты голубоватой тканью, блестящей и прочной, напоминавшей толстый шелк, а стол казался выточенным из странного материала, то ли природного, то ли искусственного, похожего на кость, однако не светлую, а темно-коричневую. Качнув столик и убедившись, что тот необычайно легок, он постоял мгновение в раздумье и направился в узкую часть комнаты.

Панели легко сдвигались. За одной обнаружился одежный шкаф, за другой – полки, заставленные непонятными предметами, среди которых было множество цилиндров размером с палец, за третьей – холодильник, забитый большими прозрачными контейнерами, а в них – банки, упаковки, баллончики, готовые блюда на чем-то вроде тарелок, однако не круглых, а квадратных. Глядя на это изобилие, он с удивлением понял, что не испытывает голода, хотя не ел, должно быть, несколько часов. Пить ему тоже не хотелось – хотелось выпить. Чего-нибудь крепкого, водки или коньяка... Выпить, закурить и вспомнить, как прекрасно быть здоровым, когда запретов нет и можно все...

Однако бутылок не нашлось, одни упаковки с изображениями фруктов – видимо, с соками. Неодобрительно хмыкнув, он повернулся к другой стене, отодвинул панель и осмотрел глубокую нишу с чуть покатым полом и потолком, усеянным крохотными дырочками. Эта кабинка была пуста, но стоило шагнуть в нее, как слева выдвинулось овальное сиденье, а справа – раковина в форме многолепесткового цветка. Он машинально погрузил в нее руки, и тут же откуда-то хлынул водопад теплых водных струек, а стена над раковиной посветлела и превратилась в зеркало. Вздрогнув, он уставился в гладкую блестящую поверхность, разглядывая свои новые черты: темные глаза под дугами густых бровей, крупный, красиво очерченный рот, нос с благородной горбинкой, скулы, высокий лоб и черные прямые волосы. Совсем неплохая внешность, но чужая; прежде глаза у него были серыми, рот – маленьким и пухлым, а голова – седой и наполовину лысой. Кроме того, ни единой морщинки, ни болезненной синевы и отвисших мешков под глазами, ни выпавших зубов...

Он провел кончиками пальцев по щеке, погладил подбородок, коснулся верхней губы, потом – шеи. Молодая упругая кожа, чистая, холеная, и никаких следов волос... Лицо тридцатилетнего и абсолютно здорового мужчины.

– Дакар, значит... В сыновья годится парень, – буркнул он, пытаясь сообразить, как очутился в этом теле и в этом странном мире, совсем не похожем на прежний. О прежней своей жизни он как будто помнил все, но воспоминания самых последних минут не возвращались. Что он делал в эти мгновения – или, возможно, часы? Беседовал с издателем, тем самым Андреем? Гулял по улицам Москвы или сидел в своей квартире у компьютера? Возможно, находился в Центре диализа, под аппаратом искусственной почки? Или дожидался сына? Сын всегда забирал его после диализа и привозил домой на белых «Жигулях»-семерке...

Внезапно его скрутило. Действие успокоительного закончилось, и он повалился на пол, бледнея и дрожа в лихорадочном ознобе. «Где я? – мелькнула мысль. – Как сюда попал? Почему? Зачем?» Он стукнул кулаком о стену, ударил снова, почувствовал боль в ушибленных пальцах, но продолжал колотить, повторяя словно заклинание:

– Почему? Зачем?

Сверху полилась вода, и это на миг привело его в чувство. Промокший, он выполз из кабинки, встал на колени, запрокинул голову и дико, отчаянно выкрикнул:

– Ася! Сергей!

То были имена жены и сына. Ему казалось, что он слышит их шаги. Сейчас придут, и это безумие кончится, исчезнет, как кошмарный сон...

Никто не появился. Вопль растаял под сводами просторной комнаты, заглушив журчанье фонтанов.

– Успокоиться, – хрипло выдохнул он, – нужно успокоиться! Я в здравом уме и трезвой памяти. Меня зовут Павел Сергеевич Лонгин, тысяча девятьсот сорок пятого года рождения, а нынче у нас две тысячи второй. Я физик, кандидат наук, и много лет заведовал лабораторией, потом, в девяностых годах, начал писать. Я член Союза писателей, я публикуюсь в десятке издательств, я сочиняю фантастические романы, но я не верю в переселение душ!

Снова кулаком о стену... Боль отрезвляла, помогая бороться с пароксизмами отчаяния. Он поднялся, ощупал мокрую одежду и произнес в пустоту:

– Я болен... был болен, и мне полагалось умереть. Через год, максимум – через два... Но, может быть, врачи ошиблись, и я преставился внезапно? Дал дуба, перелетел в астрал и, как положено у буддистов, вдруг воплотился в этого Дакара? В другом пространстве-времени и на другой планете... Чушь! Во-первых, я не буддист, а во-вторых, я помню, помню все!

Милое лицо жены всплыло перед ним, сменившись серьезной физиономией сына. Он очень гордился сыном, делавшим успешную научную карьеру. В определенном смысле сын был символом того, чего он сам не мог достичь во времена застоя: стажировки в Англии и Штатах, публикации в западных журналах, престижные конференции... Он очень любил жену и сына и мучился тем, что скоро их покинет. Он не мог смириться с неизбежностью.

Не в этом ли причина?.. Что-то он сделал такое... такое необычное... поступок, который уместен лишь в безнадежной ситуации...

Воспоминание мелькнуло и исчезло. Он глухо застонал, стиснув виски ладонями, потом выпрямился, скрипнул зубами и промолвил:

– Нет, так дело не пойдет. Решительно не пойдет! Оставим в покое чертовщину с переселением душ и определимся с главным: где я? Или – когда?

Окинув взглядом помещение, он направился к рабочему столу. Мокрая одежда липла к телу, в башмаках хлюпало, цепочка влажных следов тянулась за ним, пересекая комнату диагональю.

Стол оказался высоким, до пояса, со множеством ящиков, и почему-то он знал, что перед этим столом не сидят, а стоят. Стоять полагалось босиком, на металлическом диске, врезанном в пол, держась за выступающие из столешницы стержни-рукояти. Кроме того,

браслет на левом запястье должен касаться узкой щели в той непонятной штуковине... нет, не касаться, а только быть рядом.

Откуда он помнил про это? Тайна, загадка! Но руки все делали сами: он стащил один башмак, затем другой, пошаркал мокрыми ступнями по полу и шагнул на диск. Пробормотал: «Дежа вю...» – и взялся левой рукой за стержень. В узкой прорези загорелся свет, тонкий сиреневый лучик протянулся к браслету, ярко вспыхнул и померк.

– Оpozнaвание завершено, пароль принят, – произнес чей-то мелодичный голос.

Он стиснул пальцами вторую рукоять.

В воздухе над столешницей мелькнули разноцветные сполохи, заплясали, затанцевали и неким магическим образом сложились в женское лицо. Казалось, оно выступает прямо из стены: широкоскулое, с синими, широко распахнутыми глазами, твердым подбородком и изящным носиком, обрамленное водопадом светлых волос. «Красивая девушка, – подумал он. – Прямо валькирия! Славянский или скандинавский тип...»

Сочные губы женщины шевельнулись:

– Приступим к работе, инвертор Дакар?

– Нет. – Собираясь с мыслями, он потер висок и осведомился: – Как вас зовут, прекрасная леди?

– Я не являюсь личностью и не имею имени. Я – созданный вами синтез, дем Дакар. Синтез вашего терминала.

– Голографическое изображение, так?

– Да. Я всего лишь устройство связи с городским пьютером Мобурга.

– Пьютером?

– Информационно-вычислительной машиной.

– Понятно. Можешь выдать мне кое-какие справки?

– Разумеется.

Металлический диск охлаждал ступни. Переступив с ноги на ногу, он на мгновение задумался, потом спросил:

– Мобург, Пэрз и остальные поселения этого мира находятся на Земле? На планете Земля, в Солнечной системе?

– Да, дем Дакар.

– Географические координаты Мобурга?

– Пятьдесят семь градусов северной широты, тридцать три градуса восточной долготы.

– Валдайская возвышенность, примерно между Москвой и Питером, – пробормотал он, сделал паузу и вымолвил: – Как мне попасть в Петербург?

– Купол под таким названием неизвестен, – откликнулась женщина-фантом.

– Неизвестен тебе?

– Нет. Я ведь только терминал связи... Неизвестен пьютеру Мобурга и МПС, Мировой Пьютерной Сети, с которой он соединен.

– Может быть, другие города? Москва, Киев, Рим, Париж, Лондон? Дели, Пекин, Нью-Йорк, Вашингтон, Буэнос-Айрес?

– Сожалею, но в справочных файлах эти названия не значатся, дем Дакар.

Он почувствовал, как струйки холодного пота стекают по щекам. Или то была вода? Его одежда и волосы все еще оставались мокрыми.

– Скажи, какой сейчас год?

– Восемьсот третий от основания Пак.

– Дьявол! Что еще за Пак?

– Первый автономный купол около Лоана. В настоящее время необитаем, служит местом паломничества.

Голос женщины-фантома казался по-прежнему ровным, на лице – ни признака эмоций, хотя он, вероятно, задавал нелепые вопросы. «Верный знак, что передо мной компьютер», – мелькнула мысль. Компьютер ничему не удивляется, и это хорошо. Просто отлично! Он привык иметь дело с компьютерами – прежде, когда занимался наукой, и теперь, сделавшись писателем. Он был убежденным рационалистом и не видел ничего загадочного или мистического в конструкции из микросхем; в его понятиях компьютер являлся чем-то вроде усовершенствованной отвертки. Просто сложный инструмент, способный дать ответы на вопросы.

– Отсчитай сегодняшнюю дату не от основания Пак, а от рождества Христова, – распорядился он. – Мне нужен год новой эры, понимаешь?

– Не понимаю, дем Дакар. Термины, которые вы используете, не имеют смысла.

– Ладно, поступим иначе. Я назову несколько имен, и если встретится знакомое, ты отсчитаешь дату от рождения названного мною человека. Эйнштейн?

– Нет информации.

– Ньютон? Лейбниц? Декарт? Галилей?

– Нет информации.

– Черчилль, Гитлер, Сталин? Наполеон, Петр Первый, Жанна д'Арк? Ричард Львиное Сердце, Вильгельм Завоеватель? Мухаммед? Гай Юлий Цезарь? Ашшурбанипал? Фараон Рамсес?

– Нет информации.

– Байрон, Гете, Бетховен, Чайковский, Пушкин, Лев Толстой, Бальзак? Рембранд, Рафаэль, Мане, Эль Греко, Пикассо? Блок, Есенин, Вальтер Скотт, Верлен?

– Нет информации, дем Дакар.

– Думаю, о Романецком и Нике Перумове ты тоже ничего не знаешь, – в растерянности пробормотал он. – Что ж это выходит? Где я?

– В куполе Мобург, в десяти километрах от поверхности планеты, – сообщила женщина-фантом.

Вздрогнув, он уставился в ее невозмутимое лицо. В десяти километрах от поверхности? При том что ничего не известно о Цезаре и Гете, о Пикассо и Лейбнице? При том что забыты имена Декарта и Наполеона, Христа, Мухаммеда, Байрона, Пушкина?

Губы плохо повиновались ему, язык сделался шершавым и словно деревянным. С трудом ему удалось выдавить:

– Все остальные поселения тоже находятся под землей?

– Да, дем Дакар.

Это «да» придавило его, точно камень. Стиснув ребристые рукояти, чувствуя, как леденеет под сердцем, он всматривался в синие глаза фантома, смотрел, но видел совсем иное. Жуткие сцены апокалипсиса грезилась ему: горящие леса, вскипающие реки, расплывшиеся лавой города, обугленные развалины, пепел от книг и картин – и скелеты, скелеты, скелеты... Вперемешку с черепами, пылью и радиоактивным шлаком.

– Значит, была война, – прошептал он побелевшими губами. – Не знаю, как я очутился в будущем, но в прошлом точно была война... И вы – потомки тех, кто выжил... выжил, все позабыл и закопался под землю... На десять километров, говоришь? – Он наклонился, приблизив свое лицо к лицу женщины. – А что на поверхности? Что там? Кратеры, руины, прах и пепел?

– Посещать Поверхность нет необходимости, дем Дакар. Там воздухозаборники, и воздух поступает исправно.

– Но война была? Я не ошибся?

– О какой войне вы спрашиваете? Войны происходят регулярно, и они...

– Большая война! Великая! Глобальная! – перебил он.

– Из последних – Тридцать Вторая ВПК.

– ВПК? Что за ВПК?

– Тридцать Вторая Война Продуктовых Королей, – невозмутимо пояснил фантом.

– Кх... к-королей? – Ему вдруг почудилось, что воздух сгустился и режет горло точно наждак. – Каких королей?

– Продуктовых. Владельцев крупных корпораций, производящих продукты питания.

На какой-то миг ему почудилось, что это нелепая шутка, потом он вспомнил, с кем имеет дело, и мрачно усмехнулся. Компьютеры не расположены шутить, их данные бесспорны и точны – разумеется, в рамках, определенных программистами. Все же программисты – люди и знают больше компьютеров. Война, уничтожение, уход под землю... Возможно, ситуация не так проста, как он себе нарисовал. Возможно, с ней удастся разобраться, если поговорить с людьми... особенно – с программистами...

Он опустил руки, сошел с диска и пару секунд наблюдал, как тает белокурый синеглазый фантом. Тяжкая мысль билась под черепом: что бы ни случилось в том далеком далеке, которому он принадлежал, он больше не увидит ни жены, ни сына. Ни друзей, ни врагов, никого из тех, кому был предан, кого любил, кого ненавидел... Они остались в прошлом, за хребтами времени, и лучше бы он умер и смешал свой прах с землей родной эпохи. Правда, если отказывают почки, смерть такая долгая, мучительная... Врачи об этом не желали говорить, но в книгах все написано... Книги он умел читать – хоть вдоль, хоть поперек, хоть между строчек.

Книги!.. Вспомнив о них, он снова принялся сдвигать панели и шарить по шкафам. Книги обязательно найдутся – не может человечество без книг! – и, заглянув в них, он узнает что-нибудь полезное об этом мире. Скажем, о войнах продуктовых королей, о первом автономном куполе или о том, что происходит на поверхности Земли...

Рядом с туалетной была еще одна панель, не вертикальная, а протянувшаяся вдоль пола на пару метров. Едва он коснулся ее, как что-то щелкнуло, загудело, и из стены стал выдвигаться некий предмет – устройство на массивном пьедестале, овальное и длинное, с прозрачной, будто хрустальной крышкой. Гроб не гроб, но очень похоже... похоже на саркофаг... Внутри – блестящие трубки и шланги, табло с мигающими огоньками, какие-то приборы, а среди них...

Он отступил в изумлении.

Там лежала девушка – нагая, невысокая, хрупкая, с золотистой кожей и безупречными формами Дианы. Грива черных вьющихся волос, сколотых высоким гребнем, очаровательное личико, маленькие груди с сосками-вишенками, неправдоподобно тонкая талия, длинные стройные ноги... Глаза закрыты, на виске просвечивает голубая жилка... Не женщина – мечта, произведение искусства! Возможно, неживая?.. Изваяние, раскрашенная статуя? Нет, скорее голограмма, решил он, метнув взгляд в сторону камина. Кажется, в этом мире иллюзии, фантомы и миражи являлись делом обычным.

С тихим звоном крышка саркофага разошлась, опали шланги, погасли огни на табло. Грудь девушки затрепетала – вздох, другой... Гибким движением подобрав ноги, она села, открыла темные глаза, еще подернутые сном. Затем повернулась к нему. Взгляд ее не выражал ничего: ни удивления, ни страха, ни проблеска мысли.

– Кто ты? – спросил он, отступая еще на пару шагов. – Тоже синтез, творение Дакара?

Не отвечая, она соскользнула на пол, приблизилась к нему, приподнялась на носках, обняла за шею. «Не синтез, явно не синтез», – подумал он, чувствуя, как тонкие быстрые пальцы что-то делают у ворота. Влажная одежда свалилась с него, и девушка, на миг отстранившись и подцепив ее ногой, швырнула кучку яркой ткани в кресло. Испугавшись, что она, потеряв равновесие, упадет, он обхватил ее талию – кожа у нее была гладкой и нежной, словно бархат.

Она подтолкнула его к дивану, к низкому ложу в виде полумесяца. Личико ее казалось застывшим, словно у сомнамбулы в полнолуние, в глазах по-прежнему ни искры мысли.

– Кто ты? – снова повторил он. – Почему молчишь? Ты жена Дакара? Или его любовница? Как ты очутилась в саркофаге? Как...

Губы девушки прижались к его губам, в рот проскользнул юркий теплый язычок. «Рассказ... был такой рассказ... – вертелось в голове. – О будущем, когда мужчины держат женщин в холодильниках и размораживают их для развлечений... в театр там отправиться или в кабак...»

Но эта юная красотка не собиралась ни в кабак, ни в оперу. Он внезапно обнаружил, что лежит на диване, на спине, а она восседает сверху, обхватив его бедрами и низко наклонившись – так, что кончики сосков, розовых и напряженных, касаются его груди. В этот момент он будто раздвоился: сознание принадлежало Павлу Лонгину, ученому, писателю и человеку пожилому, отнюдь не склонному к любовным авантюрам, но телом, его инстинктами, реакциями и движениями, командовал Дакар. Разум был если не в панике, то в смущении, а тело... У тела были свои потребности.

Золотисто-розовая плоть уже начала вздыматься и покачиваться над ним, когда в комнате раздался громкий мелодичный голос:

– Дакар! Дакар, чтоб на тебя обвалился купол! Ты уже здесь? А почему ты мне...

Из туманной дымки, что отделяла прихожую, выступила женская фигура. Женщина, похожая на амазонку или на валькирию – крепкая, рослая, с обнаженными руками и ногами... Он не успел разглядеть, как и во что она одета, – взгляд метнулся к ее лицу и замер. Кажется, она была ему знакома... Синие глаза, широковатые скулы, твердый упрямый подбородок и светлые волосы, будто грива львицы... Компьютерная леди, с которой он беседовал! Но тоже не синтез, так же как прильнувшая к нему девушка.

Глаза светловолосой сверкнули яростью.

– Вижу, занят, корм крысиный? Не до меня тебе? – Голос ее из мелодичного контральто вдруг превратился в гневный рык. – Только приехал, и уже развлекаешься? Со своей пустоголовой дрянью? Ну, сейчас я ей покажу... Ребра переломая!

Девушку вдруг оторвали от него, подбросили в воздух, ухватили за ноги – так что секунду-другую она болталась вниз головой, подметая пол длинными черными волосами. Затем ее швырнули в саркофаг. Звякнула, закрываясь, крышка, что-то булькнуло, засвистело, точно ветер в трубе, послышался глухой удар – крышку припечатали кулаком. Еще один удар – пнули основание саркофага...

Занимаясь этим, светловолосая шипела:

– Сколько за нее отдал? Сотню? Две? Ну, распрощайся с денежками, инвертор... и с этой тощей тварью... еще увижу, так отделаю – в ГенКоне не починят! А заодно и тебя, убудок оттопыренный... останешься без рук, без ног и без башки... хотя в башке у тебя и так один компост... только на клипы и хватает...

Новый удар в основание саркофага. Он плавно уехал в стену, под спасительную панель. Светловолосая повернулась.

– Ну, Дакар? Чего молчишь?

– Кажется, я тут многоженец, – в полном ошеломлении пробормотал он и приподнялся. – Или рабовладелец? Но рабы не молчат, а эта девушка ни слова не промолвила, ни звука... Почему?

– Поговорить захотел? Так куклы не очень разговорчивы! Для разговоров есть кое-кто другой! Но не только для разговоров...

Она ткнула пальцем в грудь, что-то дернула, повела плечами, заставив легкое одеяние соскользнуть на пол. Стремительный прыжок, и он почувствовал, как его опрокидывают на диван, вжимают в мягкую ткань обивки, стискивают ребра коленями. Он попытался сопро-

тивляться, но она была удивительно сильной для женщины. Еще – теплой, нежной и желанной, с телом, знакомым Дакару до самых потаенных мест...

«Прости, – подумал он, вспомнив о жене, – прости!» Потом шепнул:

– Ты сумасшедшая... точно, сумасшедшая! Ты кто, валькирия? И как тебя зовут?

– Ты позабыл меня, Дакар? Ну, сейчас напомню... Я же Эри, твоя Эри, Свободный Охотник! И я тебя поймала!

– Я не Дакар, – пробормотал он, целуя ее губы. – Я Павел... Павел!

Глава 4

Крит

*Альтернатива Метаморфозе – стагнация и смерть.
«Меморандум» Поля Брессона,
Доктрина Вторая, Пункт Второй*

Гуляю!

Когда у человека есть пять сотен, а в перспективе – выгодный контракт, можно и погулять. Правда, монеты еще не в моем обруче, но для веселья и гульбы хватит прежних накоплений. Веселюсь я скромно, так как деньгами швыряться не привык; все, что мне нужно, – посидеть с парой приятелей в Тоннеле, поговорить и оттопыриться, свернуть кому-нибудь челюсть, ну и, само собой, наведаться в Колонны Развлечений. Не вниз, где пляски и всякие зрелища для недоумков, а к одалискам, на самый верх.

После той грудастой блондинки, которую я сплавил диггерам, дома я их больше не держу. Надоедает с одной и той же, да и места нет. Криоблок большой, но оборудован под биота, а при моих занятиях Пекси гораздо полезнее, чем десять кукол для постели. Кукол я найду, притом с гарантией, что новая будет лучше старой, а с Пекси все наоборот. Мы с ним привыкли друг к другу, и, хоть считается он тварью неразумной, я его отлично понимаю. Не звуки, конечно, а движения – как он дергает крыльями, когда устал, или вытягивает хоботок, ежели пришла пора кормиться. С биотом из общественной конюшни такой контакт не установишь, а с одалиской – нет проблем. Была бы монета, и никаких тебе сюрпризов.

Живу я в Алом секторе, в той части леса, что поближе к Центру, так что Пекси пришлось потрудиться, пока мы добрались домой. Я скормил ему банку нектара, оставил в рабочей зоне патмента и завалился спать. Первую четверть проспал (все же лазать по стенам – дело утомительное!), после принял душ, привел броню в порядок, сменил батарею в нагрудном щитке и решил, что загляну в Колонны, а пировать отправлюсь к Африке, в Тоннель. Надел хламиду попросторнее, нацепил браслет, сунул нож за голенище, потом пошел будить шмеля.

Он дрых у шлюза. Манера у него такая: если утомлен, то тычется под стенкой, где криоблок, и подергивает крыльями, если раздражен, выписывает по полу восьмерки, а если лезет к шлюзу, значит, собирается в полет. Это совпадало с моими планами, и, растолкав Пекси, я навьючил на него седло. Потом раскрыл диафрагму шлюза.

За шлюз приходится платить отдельно, как за нестандартное устройство в патменте. Но мне не хочется держать шмеля в конюшне на ярусе биотов – я ведь не подданный, тружусь в любое время суток, и транспорт всегда должен быть поблизости. Без шлюза, получается, не обойдешься, а это сорок три монеты в год. Плюс, разумеется, налог за охотничью лицензию и плата за жилье и сверхнормативное потребление, плюс транспортный сбор, плюс остальное-прочее... Когда я служил в Охране Среды и пользовался льготами, расходы были, конечно, поменьше, зато доходы... В общем, на жалованье комеса не разгуляешься.

Ствол, в котором я живу, считается довольно респектабельным. Жильцы – из подданных Первой Алюминиевой, Треста Цветных Металлов и других могущественных фирм, все больше – старшие партнеры, а кроме того – чиновники ВТЭК и ОБР, не крупное начальство, но и не крысиная моча. Есть кое-кто и посолидней: прямо подо мной – магистр Ганг из Службы Эвтаназии, а под ним – еще один магистр, почтенный Сенегал из ГенКона. У этого роскошный патмент с галереей и через день – гулянки; бывает, слетается столько гостей, что на балконе от биотов тесно. Но звуковая защита у Сенегала хорошая, и писк одалисок меня не тревожит.

Надев широкий пояс, я пристегнулся ремнями к седлу, и мы порхнули вниз с четырехсотового яруса. До купола – рукой подать, а до земли – не меньше километра; пропасть, а на самом дне, за сетью безопасности, текут дорожки, окрашенные в алый цвет, поблескивают купола и шпили, мелькают яркие огни и тянутся, пересекаясь и ветвясь, воздушные улицы да переходы. И всюду – народ, народ, неисчислимые громады!.. Велик Мобург и многолюден, хотя и не самый гигантский из куполов – в Хике, Фрисе или Норке жителей побольше. Но больше и свар, поскольку в этих городах расположены королевские резиденции. Дело известное – где короли, там драки! Лично я предпочитаю жить в местах спокойных и драться подальше от собственного патмента.

Как все шмели, Пекси любит летать высоко, на уровне скафов и авиеток. Движение тут не слишком интенсивное: скафы – транспорт грандов и коммунальных служб, а что до авиетки, то с ней не каждый управится. Она в отличие от биота неживой предмет, поглядывать нужно, куда летишь, а если не разглядел, свалишься в сеть. Что в зависимости от последствий может улыбнуться штрафом или каторгой у диггеров. Это уж как Вершители посмотрят!

Мы обогнули соседнее здание и понеслись в редком потоке жужжащих биотов. Слева – шмель, справа – шмель, впереди – три шмеля и авиетка... Внизу мельтешат пчелы и осы, под ними поблескивает сеть, и кто-то в ней уже барахтается, у перехода из сто двадцатого в сто девятнадцатый ствол. На том шмеле, который справа, – девушка в передничке, раскрашенная золотым и синим, слева – рыжий парень, разодетый в шелк. Видно, щеголь из богатых: пояс наездника сияет радугой, трико в обтяжку, куртка с разрезными рукавами и бляха какой-то неведомой фирмы. Девушка заметила меня, сдвинула маску, стрельнула глазами туда-сюда и поманила пальчиком... Улыбнувшись в ответ, я покачал головой. Не люблю раскрашенных, предпочитаю натуральные оттенки. Опять же – многовато золота, сверкает и слепит, не разберешь, какие у девчонки груди и есть ли что-то вообще на положенном месте.

Ну, гниль подлесная, обиделась!.. Насупила брови, резко опустила маску, стукнула по панцирю шмеля... Тот зажужжал сильнее, заработал крыльями и пулей ринулся от нас, а мы с Пекси неторопливо повернули в Бирюзовый сектор и пронеслись над улицей-мостом, соединяющим два ствола с открытыми террасами. Приметные такие здания, не круглые, как большинство жилых стволов, а собранные в виде многогранных призм. Жилище подданных «Тригоны», одной из Компаний Армстекла... Эти не из моих кормильцев, так как друг с другом почти не воюют: рынки поделены и производственные квоты расписаны на сотню лет вперед.

Дорожки внизу сменили алый цвет на бирюзовый, попетляли среди оснований стволов и разбежались, огибая хрустальный овал Большой Арены с бушующими толпами. Гул и рев, словно под люком воздуховода, и на трибунах черным-черно – не иначе, травля крыс! Но кровь, похоже, не лилась, и, приглядевшись, я понял, что развлечение сегодня мирное – тараканы бега.

За Ареной, на границе сектора и городского Центра, высились здания ОБР, стоявшие тесным квадратом: Службы Вершителей Правосудия и Охраны Среды, Службы Эвтанизии и Медконтроля, Службы Ремонта и Службы Диггеров. Эти стволы массивней и шире жилых и связаны через десять ярусов крытыми галереями; внизу – шлюзы и шахты, ведущие к уровню коммуникаций, вокруг – зона отчуждения, а по ее периметру – блокпосты, стационарные излучатели и огнеметы. Крепость, цитадель! Но я здесь не трудился, я был комесом в филиале, в Лиловом секторе.

Световые столбы по периметру зоны упирались в купол, но Пекси к ним не приближался – биоты не любят сильного света. Оставив крепость позади, мы понеслись над магистралью, что разделяла Центр и выходившие к его границе сектора; с одной стороны тянулся лес жилых колонн, с другой – открытые пространства площадей, Смольной и Сенной, Двор-

цовой и Красной, с огромными зданиями ратуши и ВТЭК, Музейного комплекса, Криобанка и сотней стволов, где размещались фирмы, компании, лиги, союзы, ассоциации и тресты. Цоколь каждой колонны Центра был украшен и отделан по-особому, в виде фантастических сооружений с арками, лестницами, башнями и разноцветной росписью стен; над этой причудливой архитектурой вставляли полупрозрачные призмы и цилиндры из армстекла, сиявшие яркими огнями.

В других куполах, где я бывал, центральные зоны тоже выглядят странно, и в каждом городе странности свои: в Паге, скажем, масса шпилей и остроконечных крыш, а в Норке, Фрисе и Лоане цоколи стволов – огромные прямоугольники из стеклянных пластин в стальных и алюминиевых переплетах. Зачем это сделано древними? Загадка! Что означают названия улиц и площадей, такие, как Пикадилли в Доне или Сенная в Мобурге? Тоже загадка! Мадейра, мой приятель, утверждает, что эти слова пришли не из Эпохи Взлета, а с более ранних времен и что они имеют некий таинственный смысл. Возможно, имена богов, героев или названия пещер и шахт, в которых жили предки... Впрочем, Мадейра – блюбразер, и хоть достойный человек, но склонен привирать и фантазировать.

Я почесал шмеля под челюстью, мы развернулись и ринулись вниз, лавируя среди других биотов. Ветер засвистел в ушах, огни на ближнем здании слились ало-желто-зеленой лентой, купол вдруг подпрыгнул, будто стволы, вырастая, толкнули его в сияющую высь, плотная туча пчел под нами разредилась, и мы скользнули сквозь нее к отверстию в сети. Пекси на мгновение завис, громко жужжа и подогнув брюшко, камнем упал в отверстие, затормозил, расправив крылья, и плавно спустился к переходу меж двух Колонн.

Меня всегда поражало изящество, с каким биоты маневрируют, и их волшебный дар запоминать дорогу. По словам Мадейры, им помогает древний инстинкт, усиленный в процессе генной реконструкции, – способность перемещаться в стае и ощущение гнезда. Не буду спорить – тут Мадейра, вероятно, прав. Мне кажется, что Пекси в самом деле воспринимает купол как свое огромное гнездо, где есть маршруты для прогулок и поиска еды и есть безопасное место для отдыха. Как и другие биоты, он помнит любую дорогу, в конце которой его накормили, и я не изменяю этому правилу.

Подскочил знакомый служитель в пестрой упаковке Лиги Развлечений.

– Банку нектара для моего шмеля. – Я потрепал Пекси по загривку. – Что у нас новенького, Дублин?

Тот осклабился:

– Для вас, дем Крит, новье всегда найдется. Хотите маленьких и желтеньких? Или эксклюзив из Линна?

– Нет, не хочу. Пробовал! Желтые тощие, а у линнских кукол отвислые зады.

– Черные есть, из Кайры. Большая редкость, спецзаказ для Третьей Алюминиевой! Лишнюю партию сделали... так, нелегально... для нас... Ах, какие груди... и зады!.. – сообщил он громким шепотом и закатил глаза.

Спецзаказ, большая редкость... Купол вам на голову! Чего не придумают, моча крысиная, лишь бы монету содрать! Но вслух я одобрительно хмыкнул и зашагал к ближней Колонне.

Их два десятка, этих Колонн, и основания их оформлены как башни, квадратные или круглые, с проходами, арками, декоративными шпилями и звездами на них. От башни к башне тянется стена со множеством зубцов, огораживающая довольно большую территорию: парк аттракционов, лавки, оттопыры, допинги – словом, все, что нужно клиентам для счастья. Цвет стены и башен красный, и потому, должно быть, площадь перед этим комплексом так и зовется – Красная. На другой ее стороне торчат здания ГенКона, пять зеленоватых стволов с длинным общим цоколем – точно подпирающая купол пятерня.

Сейчас, в середине второй четверти, площадь была пустынной, и лишь у генкомовской питейной виднелась россыпь крохотных фигурок. Там всегда кто-нибудь маячит и требует чего-то отменить либо добавить: то капсулы, которым подавай дешевых одалисок, то сексуальные меньшинства, то танкисты с хоккеистами или блюбразеры – те выступают против насилия над человеческой природой. В этот раз, похоже, были феминистки из «Сопротивления», бабы скандальные и злые. Кукол-мужчин им захотелось! ГенКом бы рад, да не выходит – делали, пытались и не добились ничего. Проблемы с эрекцией, гниль подлесная!

К счастью, у меня таких проблем пока что нет. Свидетелей тому – орава; само собой, не безголосые одалиски, а любая из моих подружек, прошлых или нынешних. Эри, Кама, Атланта, Ява или Одда...

Поднявшись к трехсотым ярусам, я изучил экспозицию. Час разглядывал, не меньше, гуляя по залам с высокими сводами; кукол в них не счесть, а я – клиент разборчивый. Были там маленькие и покрупней, рыжие, блондинки и брюнетки, с желтой, розовой и смуглой кожей, тощие и пышные, с разнокалиберной кормой, грудями и остальным хозяйством, с имитацией пупка, с раскраской и с татуировкой. Черные тоже нашлись, и Дублин не соврал: правда, спецказ! В ГенКоме черных лепят без затей, меняя при клонировании пигментацию кожи, но эти были натуральными: волосы колечками, губастые и плосконосые. Сразу виден редкий генетический материал, какой, пожалуй, только в Кайре и остался.

Я выбрал рыжую с зелеными глазами и одну из черных, стройную, высокую и в теле. Рыжая умела ахать и хихикать и обошлась мне в две монеты, а черная – так в целых пять! Но стоила того. С ними я позабыл о Джизаке и щеляках, убитых мной, которых, надо полагать, уже перемололи на компост. Забыл и о времени. Чтобы забыть, монет не жалко; монеты – прах, а вот дурные мысли... Впрочем, нельзя сказать, чтобы меня терзала совесть – трупов я повидал и понадевался немало, к тому же Джизак был, несомненно, мерзавцем. Ну, а пятьсот монет – это всегда пятьсот монет... Однако я крови не люблю, и если уж пришлось в ней искупаться, стараюсь поскорей расслабиться. Лучший способ – широкая постель и пара одалисок плюс «веселушка» или еще какая оттопыровка... ну, хорошая еда, приятели, беседа... Еще бы ребра посчитать кому-нибудь или заехать под дых...

Кончалась третья четверть, когда я покинул Колонну с чувством приятной усталости. Пекси, деловито жужжа, влился в поток шмелей и авиеток, который стал заметно гуще, так же как и толпа на дорожках под нами: рабочее время истекло, и подданные разбредались по домам. Не все, конечно, – многие летели в Центр, намереваясь развлечься и встряхнуться. Ну, а мы уже встряхнулись... Самое время к Африке, в Тоннель!

Он расположен в Бирюзовом секторе и тянется километровым зигзагом от леса и секторального инкубатора до первых стволов подлеска. Само собой, примерно – на самом деле никто не скажет, где тут первые стволы, а где вторые. Граница, однако, есть, незримая, но реальная; рубеж, за которым законопослушность жителей Мобурга падает в таком же быстром темпе, как их доходы.

Тоннель проложен в ярусе коммуникаций, а для чего и почему – погребено во тьме веков. Может быть, тут находилась база диггеров или стоянка их машин – полости и штреки в стенах Тоннеля весьма для этого подходят. Теперь в них масса заведений: десяток допингов и оттопыр (в одной даже пузырь подают), конторы агентов – вербовщиков и перекупщиков, множество различных лавок и даже тупичок, в котором обосновались блюбразеры. Есть места и вовсе экзотические, с бракованными одалисками о четырех грудях или же с манки, хотя я сомневаюсь, что манки настоящие – скорее куклы с шерстью на лице. Еще есть галереи с коллекционными вещами из дерева и всяким барахлом, какое пачкуны таскают из Отвалов: древние компьютерные чипы, битая посуда, картинки, украшения, огромные диски из перламутра и пластиковые книги Эры Взлета. Читать их никто не умеет, но стоят они выше купола. Большая редкость!

Мы опустились на площадке у конюшни, рядом с изящными хрупкими осами и парой толстых пчелок. Пекси недовольно загудел – ос он не любит, и причина этой неприязни для меня загадочна. Возможно, осы кажутся ему таким же суррогатом шмелей, как одалиски – суррогат обычной женщины? Эта мысль заставила меня улыбнуться. Загнав шмеля в конюшню, я пошарил в сумке за седлом, вытащил банку нектара, скормил ее Пекси и велел ему спать. Криоблок тут уютный, не хуже, чем в нашем патменте.

У конюшни, встроенной в цоколь инкубатора, движущаяся дорожка разбежалась: налево – к жилым стволам, направо – в соседний сектор, прямо – под арку и вниз, к Тоннелю. Народа здесь – не протолкнешься, большей частью капсули и Свободные, Черные Диггеры, наемники, торговцы, однако встречались и подданные. Кое-кто с охраной, в паутинном шелке и при маске – коллекционеры-богачи, любители шарить по галереям да шопам. Другие попроще, группами, татуированные, размалеванные – эти приехали повеселиться в допингах и оттопырах, на манки поглазеть и посчитать у одалисок груди. Еще попадались типы из Лиги Развлечений, всякие инверторы и диззи, танкисты и хоккеисты; кто голышом и тоже размалеванный, кто в фантиках от Пармы или в голографических обертках. Глядя на них, я вспомнил о Парагвае, потом про трупы в Крысиной Щели и помрачнел.

Дорожка под ногами надломилась, сделавшись ступенькой, и наша компания поехала вниз. Богачи и капсули, танкисты и торговцы, наемники, диггеры, частные стражи... Запахи пота и «веселушки», «писка» и «стук-бряка», разгоряченных женских тел и парфюмерии... Еще не давка, но уже теснота... Какой-то раскрашенный ублюдок прижался ко мне, пытаюсь сунуть руку под мою хламиду. Я двинул его протезом в ребра и спросил:

– Любишь Охотников, моча крысиная? Погоди, спустимся, я тебя покрепче приласкаю!

Ублюдок икнул и исчез. Спуск закончился. Ступеньки движущейся лестницы одна за другой уходили в узкую щель, выбрасывая в пространство Тоннеля шеренгу за шеренгой. Ораву за оравой... Сорок-пятьдесят орав – громада, население ствола... Толпы людей под ярко светящимися сводами, шум и гам, выкрики и смех, шарканье ног, ровный гул воздуховодов... Тысячи глаз, тысячи лиц, тела под легкой тканью или краской, чьи-то спины, чьи-то локти... Суета, толкучка!

Однако не успели мы дойти до первого зигзага, как народ рассосался. Вроде невелик Тоннель, а емкость не меньше, чем у Колонн Развлечений, и каждому хватает места, даже капсулям. Есть и пить им не на что, но побродить по улице и выпросить подачку не возбраняется – тоже Свободные, как-никак.

Сразу за зигзагом – тупичок блюбразеров, а по другую сторону – «Подвал танкиста». В тупичке было тихо и темно, а из «Подвала» доносились топот, стук и протяжные завывания – кажется, читали стихи. Проскользнув мимо тупика, я сунулся в узкую щель и, спустившись по ступенькам, попал в извилистый и темноватый коридор, от которого слева и справа отходили проходы – к соседям-блюбразерам и к винной лавке Факаофо. Стены тут были из голого камня, шершавого, почти не обработанного, но пол гладкий, не споткнешься. Держась за стену, я миновал коридор и очутился в допинге Африки. Собственно, у него не допинг и не оттопыра, а настоящий шалман с отличной кухней и залом, разделенным стеной: в одной половине пачкуны сидят, в другой – Охотники и прочая публика. Так сказать, черви отдельно, и фрукты отдельно... Но в остальном помещения схожи: освещены скудно, и в каждом по восемь длинных столов, скамейки и раздаточный автомат. Рядом с ним прилавок и окошко в кухню. На кухне Африка – толстый, в белой хламиде с сальными пятнами; лохмы свисают до плеч, глаза навывкат, а между сизых щек торчит огромный хобот-нос. Жуткая рожа, но не думаю, что он ее когда-нибудь изменит – говорит, привык за сотню лет.

– Урр! Комес! – зарокотал Африка, поводя огромным носом. – Еще живой? И даже целый?

Он всегда зовет меня комесом, как в те годы, когда я у обров служил. Уважает!

Подтвердив, что цел и жив, я сел и осмотрелся. Клиентов вроде бы немного: в одном углу компания вербовщиков, в другом – трое подданных с девицами, и кто-то еще подальше, у самого входа, – в сумраке не разглядишь. А за моим столом – знакомые фигуры: Хинган, Мельбурн, Толедо и Микатарра. Хинган – Охотник в зрелом возрасте, давний мой приятель, Мельбурн и Толедо – наемники у «Зелени», а Микатарра крутится туда-сюда среди наемников и Охотников. Хорошая малышка! Я с ней раза три покувыркался.

Мы стукнулись браслетами.

– Откуда, корм крысиный? – полюбопытствовал Хинган.

– От одалисок, не видишь, что ли? С лица спал и еле на ногах стоит, – пояснила Микатарра. Голографическая обертка на ней переливалась радужными красками, в такт мерцавшему на шее ожерелью.

– Ты голопроектор выключи, – отозвался я. – Выключи, и поглядим, что у меня стоит и как.

– Пригласишь к себе, выключу. Но боюсь, что толку от тебя не будет.

Я перестал храбриться и подтвердил со вздохом:

– Сегодня не будет. Что пьем?

Пили грушевое вино, а Микатарра пробавлялась «писком». Так себе оттопыровка, не «разрядник» и не «отпад». Тем более не «шамановка» – от этой сразу улетаешь.

Африка высунул в окно лохматую башку:

– Жрать будешь, комес? Свиные котлетки есть, грибы, соевый бифштекс и...

– Мясных червячков давай, с капустой, – перебил я. – Мидий, студень из улиток, крем-икру, джем из бананов и фрукты. А вместо грушевки – пунш... Медовый!

Хинган одобрительно хмыкнул, Мельбурн в восторге закатил глаза, а Микатарра облизнула губки и придвинулась ко мне поближе. Ее призрачный наряд на мгновение растаял, явив упругую грудь и точеные плечи. Я шлепнул ее пониже талии.

– Гуляем! – завопил Толедо и грохнул кружкой по столу. Вербовщики оживились, троица подданных тоже проявила интерес, и я на всякий случай уточнил:

– Сюда подавай, Африка, на этот стол. Но приготовь с запасом – может, кто из наших подойдет.

Те, кто не наши, увяли. Хинган поглядел на них, ухмыльнулся и спросил:

– Выгодный контракт, э? Партнер не нужен?

– Не нужен. Сам справился. Вчера.

Мельбурн с Толедо переглянулись, Хинган почесал шрамы на шее, Микатарра прижалась ко мне коленкой и нюхнула «писки», но никаких расспросов не последовало. Обычай такой – не спрашивать. Вот ежели в партнеры пригласят... Это в фирмах и компаниях партнерство номинальное, чтоб подданных уважить, а у нас, Свободных, партнер роднее брата и сестры. Тем более что их не сразу и найдешь, сестер своих и братьев, а партнер – тут, рядом, искать его не нужно...

Лет двенадцать назад мы с Эри были партнерами. Я с сабирской заварушки возвратился – с той, где панцирь раздобыл, – вернулся, значит, и выправил лицензию Охотника. А у нее лицензия уже была – у Фиджи, отца своего, отучилась, и он расщедрился ей на лицензию. Редкий случай по нынешним временам! Ну, сделались мы партнерами... и не только... Потом разбежались. Бывает... Было и прошло.

Африка метнул из окна контейнер с пуншем, потом холодные закуски и начал жарить червячков. Упоительные ароматы! Под них мы умяли крем-икру, мидий и студень, и Хинган, чтоб скрасить ожидание, поведал, как охотился на крыс, но не в мобургских Старых Штреках, не в Яме Керулена, а в Мокрой Полости под Фрисом. Полость была одним из первых куполов, разрушенных землетрясением, и с Фрисом до сих пор ее соединяют ходы и тоннели. Можно было бы их завалить, однако гранды Оружейного Союза откупили Полость и

ездят туда развлекаться с гостями, щелкать крысюков. Опасное занятие! Против крысы ни пуля, ни разрядник не помогут, только огнемёт...

Хинган подробно описал, как эти милые зверюшки съели Ольберга, магистра из Цветных Металлов, слопали с броней, костями и четырьмя охранниками, а пятому, который жив остался, чуть не откусили голову. Тут и наши червячки сготовились. Африка выплыл из кухни с огромным подносом, шлепнул его на стол, вытер лапы о хламиду и принялся. В самом деле, пахло соблазнительно. Мы выпили за удачу – все же Хинган и был тем пятым с чуть не откушенной головой – и приступили было к червякам, но тут мигнул экранчик на моем браслете.

– Кого еще несет... – пробормотал я недовольно, но вызов принял. Не исключалось, что меня желает видеть Лима – с приятным сообщением о сумме нового контракта.

Это оказалась Эри. Надо же! Недавно вспоминал...

Я уменьшил изображение. Ее головка размером с ладонь повисла у моего плеча.

– Крит? Ты где, Крит?

– У Африки в Тоннеле. Ем червяков.

Пауза. Затем она сказала:

– Встретиться бы надо, Крит.

– Так приезжай! Черви еще не остыли.

Она нерешительно опустила взгляд. Совсем несвойственное ей выражение!

– Лучше... лучше если ты придешь. Не позабыл еще, где я живу? Тут допинг есть, на третьем ярусе... «Сине-Зеленый»...

К себе не приглашает, отметил я. Ну, что ж, в допинг, так в допинг... Не тот ли, про который мне Парагвай толковал, щеляк-хоккеист?

– Приду, но не сегодня. Я, понимаешь ли, не один.

Микатарра, хмурясь и ревниво поджимая губы, разглядывала Эри, остальные поглощали червяков и не прислушивались к нашей беседе. Народа по соседству стало больше. Явился бизибой в шелках, с двумя охранниками, понюхал воздух и тоже соблазнился червячками. Вербовщики, кроме одного, ушли, а к этому подсели десятка два наемников, то ли отметить сделку, то ли договориться о чем. Подданные с девицами хихикали, шастали к раздаточному автомату, а после тихо оттопыривались у себя в углу. Тип, сидевший за дальним столом, сосредоточенно жевал, склонившись над тарелкой.

– Сегодня не стоит, – сказала Эри. – Поздно. Он спит.

– Кто – он?

– Дакар. Завтра приходи.

– В начале последней четверти, – предложил я, соображая, что трех часов мне хватит, чтобы разделаться с «Хика-Фруктами».

Она кивнула и отключилась.

– Красотка! – вымолвил Толедо и причмокнул. – Я бы с ней...

Хинган проглотил кусок и ухмыльнулся:

– Заткнись, крысиные мозги! Эта красотка из тебя ремней нарежет и бантиком завяжет.

Если останется что завязывать...

Они с Эри знакомы. Когда-то Хинган был партнером Фиджи, ее отца. Фиджи погиб лет восемь назад, в Буэносе, во время драчки между Компаниями Стволов. Пустяковый конфликт, однако для него последний.

Мы доели червяков, выпили пунш и закусали банановым джемом с фруктами. Я несколько отяжелел. Микатарра, обхватив меня за шею и обдавая сладким запахом пунша, зашептала:

– Ну, как? К тебе поедem или ко мне?

– В другой раз, малышка.

Поднявшись, я окликнул Африку, сунул обруч ему под нос и рассчитался. Хорошо посидели, на девять монет. Теперь бы кости поразмять... Но подходящих кандидатов не было, а задираться первым я не привык.

Хотя, если выбраться в Тоннель...

Шагая по темному узкому коридору, я думал о разговоре с Эри и вспоминал, кто же такой Дакар. Имя как будто знакомое... Ее приятель, очевидно; что-то она толковала про этого Дакара год или два назад. Вроде он из Лиги Развлечений, но не какой-нибудь младший партнер, а диззи или инвертор, то есть парень состоятельный. Однако с причудами! Какие причуды, я не помнил: может, по щелям таскается, как Парагвай, может, дрыхнет под сонную музыку две четверти из четырех. С этими, из Лиги, всякое бывает... есть такие, что творят во сне, а в промежутках хлещут вино да нюхают «шамановку».

В этот момент я вдруг сообразил, что слышу тихие шаги. Очень тихие и осторожные, будто кто крадется за спиной... Секунда, и я уже катился по полу, а надо мной с шипеньем проносились молнии: одна, вторая, третья... Стреляли из разрядника, не очень мощного, но мне бы без брони хватило. Сожгли бы или поджарили – если б, конечно, попали. Но попасть в меня непросто. Даже после крем-икры, мидий, пунша и тарелки с червяками.

Стащив хламиду, я швырнул ее вверх и потянулся к ножу за голенищем. Сверкнул разряд; в призрачном голубоватом свете моя обертка походила на черную фигуру, что ринулась в атаку на противника. Снова выстрелы, хищное шипение, слепящий блеск разрядов... Запахло паленым, и я, приподнявшись, метнул клинок. Что-то булькнуло в темноте, заклокотало, закашляло, потом раздался хрип – очень знакомые звуки, когда протыкают глотку ножом. Не медля, я вскочил, сделал семь шагов, споткнулся о мягкое, рухнул на колени и, нащарив чьи-то пальцы, вырвал из них разрядник. Пальцы были еще теплыми, но вялыми. Хрипы и бульканье стихали.

Слева – проход в тупик блюбразеров, справа – к лавке Факаофо... Мгновение я размышлял, куда затащить мертвеца, потом ухватил его за ноги, направился к левому проходу, бросил на пол обмякшее тело и возвратился за своей хламидой. Она была пробита в трех местах. Неплохие результаты! Ничего не скажешь, работа профессионала...

Я выдернул нож, вытер его об одежду убитого, почувствовал гладкость дорогого шелка под ладонью и холод металлического значка. Поднял разрядник, выпалил в потолок. Сверху посыпалась пыль. Фиолетовые молнии разорвали темноту, света хватило на секунды, но больше и не надо – трупы я осматривать привык. А еще – помнить одежды и лица.

Рыжий парень в трико и куртке с разрезными рукавами – тот, сидевший у входа, тот, которого я видел на шмеле... При нем имелся обруч без эмблемы и бляха с лаконичной надписью: «Каир». Не знаю такой корпорации, фирмы или лиги и совершенно не помню, какие у меня с ней счеты! Надо полагать, что никаких. Считывателя с собою нет, личность рыжего не установишь, а обруч, надо полагать, поддельный... Браслеты без клейма мне никогда еще не попадались.

Но все же я забрал значок и обруч. Оставив труп рыжеволосого во мраке у каменной стены, я быстро выбрался из Тоннеля, разбудил шмеля, поднялся в воздух меж засыпающих стволов, мерцавших тусклыми огнями, и полетел домой. Одна-единственная мысль мучила меня: не подослал ли убийцу Борнео, гранд из «Хика-Фруктов»?

Конечно, бывают и случайности, бывают и ошибки, тут ничего не поделаешь. Но я недоверчив и не люблю ошибок, которые касаются моей персоны. Тем более когда мне обещали деньги, да еще не заплатили.

Все-таки пятьсот монет – сумма немалая, а должник всегда наполовину враг.

Глава 5

Дакар

Метаморфоза должна быть настолько глубокой и глобальной, чтобы все проблемы, возникшие перед земным обществом, были решены – и, естественно, в пользу западной цивилизации, как наиболее приемлемой модели. Все прочие народы и страны не обладают достаточной научной и технологической мощью, чтобы претендовать на роль лидеров. Их облик, культура и языки должны быть забыты.

**«Меморандум» Поля Брессона,
Доктрина Вторая, Пункт Третий**

Он лежал рядом с девушкой по имени Эри. Глаза ее были закрыты, светлые волосы рассыпались по изголовью ложа, щеки порозовели. Она спала.

За ночь – хотя считалось ли это время ночью?.. – стена у их постели стала прозрачной, сделавшись окном. Сквозь него он глядел на город. Еще слушал тихое дыхание девушки и плеск воды в фонтанах.

Город потрясал. В нем не было привычных зданий, крыш, деревьев, не было солнца и облаков, улиц с машинами, тротуаров, скверов и даже неба. Вдаль уходили сверкающие, будто отлитые из льда колонны – мощные, широкие, монолитные, соединенные друг с другом паутиной переходов, с повисшими над бездной площадками и яркими огнями, мерцающими там и тут. По временам эти огни вспыхивали, сливаясь в многоцветные полотнища, похожие на радугу или на северное сияние; краски скользили, менялись, складывались в какие-то неясные картины, символы, панно, пейзажи. Это происходило внизу, а выше тянулись над буйством красок и огней хрустальные столбы, подпиравшие верхнюю твердь этого странного мира. Она была блистающей и источавшей свет, однако не являлась небом. Неба не существовало, был потолок. Купол.

Он понимал, что сам находится в таком же здании-колонне, на огромной высоте, в трехстах или больше метрах от земли – точнее, от поверхности, служившей городу опорой. Но колонны уходили еще выше, много выше, до самого купола, смыкаясь с ним в почти необозримых далях. Там что-то кружило и растекалось плавными потоками, словно рой разумных мошек, летевших по делам: может, строить соты в улье, а может, собирать нектар.

«Летательные аппараты», – подумал он, со вздохом оторвавшись от этого зрелища. Потом лег на спину, стараясь не потревожить Эри, закрыл глаза и погрузился в раздумья. Шок, которым сопровождалось его перемещение и первые шаги в этом мире, прошел; мысли, ясные и четкие, текли в привычном ритме, и не было в них ни страха, ни изумления, ни боли, а только уверенность, что он припомнит все и непременно со всем разберется. Разберется! Он был любопытен и упрям.

Сейчас он размышлял о языке. Видимо, это знание досталось ему в наследство от Дакара – язык был не чужд, и он владел им как родным. В какой-то мере это было объяснимо – он обнаружил массу русских слов, изменившихся, искаженных или оставшихся прежними; кроме того, имелись слова другого происхождения, наверняка немецкого, английского и, вероятно, из романских языков. В той, первой жизни он знал английский и немецкий хорошо, мог объясниться на французском, и это давало пищу его лингвистическим изысканиям.

«Новый язык, – думал он, – синтез всех известных европейских; возможно, на первых порах искусственный, но развивавшийся столетиями. Или даже тысячи лет, минувших с катастрофы...» В том, что катастрофа была, он не сомневался – какой-то жуткий катаклизм, природный или техногенный, загнавший в подземелья все население планеты,

лишивший выжившее человечество если не знаний, то памяти о прошлом. Знания, несомненно, сохранились – чудо-город перед ним был ясным доказательством. Город, и все другие города, дороги-трейны, компьютерные голограммы и отсутствие болезней... Чтобы добиться такого, нужны ресурсы, знания и время. Все это, надо думать, было, и мир, поднявшись из руин, вновь обзавелся городами, транспортом, компьютерами. А также новым языком...

Язык как язык, ничего удивительного, если не считать, что многие слова пропали. Вернее, не слова – понятия... Исчезли обозначения ландшафта – степь, прерия, саванна, горы, скалы; моря, океаны, озера и реки заменило слово «водоем», а пространства, пригодные для передвижения, назывались щелью, полостью или тоннелем. Термины «луг» и «поле» тоже отсутствовали, слово «лес» имело другой смысл, связанный не с множеством деревьев, а с этим городом колонн-стволов, площадок-листьев и переходов-ветвей. Исчезли названия месяцев и дней недели, диких животных и птиц, кое-каких предметов обихода, деталей одежды; ряд будто бы знакомых слов соответствовал новым понятиям, смутным или совсем неясным, обозначавшим не то, к чему он привык. «Видимо, следствие подземной жизни и перемен в технологии и быте, – мелькнула мысль. – Иная среда, не природная, людской искусственный муравейник... Любопытно, сколько здесь народа? Миллион? Пять, десять миллионов?»

На мгновение ему показалось, что он задыхается в этом замкнутом пространстве без неба, солнца, облаков и звезд, но приступ был недолгим. Глубоко втянув воздух, он коснулся обнаженной груди, потом живота: кожа была гладкой, мышцы – сильными, упругими. Молодость, здоровье... То, что не ценишь, пока имеешь, и что не купишь за любые деньги... Может быть, это дается в обмен? За то, что теряешь, перебираясь в чужое тело?

С минуту он прикидывал, был ли обмен справедливым. Пожалуй, нет; он мог еще смириться с мыслью, что выпал из своей эпохи и не вернется в нее никогда, но память о жене и сыне терзала душу раскаленными клещами. Будь они с ним, он, наверно, согласился бы обменяться... Была б его воля, он забрал бы их с собой, обоих или хотя бы жену... Она должна быть с ним... она, не Эри и не та другая девушка, что прячется в хрустальном саркофаге... такая странная...

Любопытство победило боль. Он потихоньку сполз с ложа, собираясь одеться и провести кое-какие изыскания, но Эри зашевелилась, открыла глаза и села, скрестив голые ноги. Воспоминания о минувшей ночи нахлынули на него, заставив покраснеть.

Эри закинула руки за голову, потянулась.

– Давно проснулся, Дакар?

– Нет.

Секунду они смотрели друг на друга. Глаза у Эри были синими, волосы цвета золотой соломы падали на грудь. «Красиво, но не то», – подумал он. Ему нравились шатенки с карими глазами, такие, как его жена.

Губы девушки дрогнули.

– Что с тобой, Дакар?

– Я не Дакар, я Павел, – тихо произнес он. – Я же тебе говорил.

– Говорил, перед тем как мы уснули. Странное имя... Ты хочешь, чтобы я так тебя звала?

– Я хочу выпить. Чего-нибудь покрепче.

Грациозно соскользнув на пол, она направилась к холодильнику, сдвинула панель. Эри была нагой, и он мог убедиться в том, что уже знали его руки: крупная сильная женщина с точеной фигурой, широкими бедрами и полной грудью. Валькирия! Таких он всегда побаивался, предпочитая маленьких, изящных, хрупких. Но у Дакара, вероятно, были другие вкусы.

– Здесь только сок и оттопыровка, – сказала Эри, заглядывая в холодильник. – Хочешь вина?

– Да.

Она что-то сделала, куда-то нажала или ткнула пальцами. Раздался тихий звон, и тут же, зашелестев, выдвинулся прозрачный контейнер с небольшим цилиндром.

– Держи!

Он поймал цилиндр и с любопытством осмотрел его. Поменьше стакана, темно-зеленый и блестящий, с изображением ветви и надписью «Хика-Фрукты». На торце нарисована слива, и рядом с ней – углубление, будто для пальца. Надавив, он почувствовал, как рвется тонкая пленка, затем поднес сосуд ко рту и выпил.

– Это вино? – Напиток был слабее шампанского. – Сколько в нем градусов, Эри?

Она уже сидела рядом, хмурясь и покачивая светловолосой головой.

– Шутишь, дем инвертор? Какие, к Паку, градусы? И почему в вине? Там, насколько мне известно, сахар, сок и спирт.

– Спирта не долили, – усмехнулся он. Потом, собравшись с духом, взял ее за руки и вымолвил: – Послушай, Эри... только не перебивай... Я должен кое-что тебе сказать... что-то очень важное...

Конечно, она перебила. Ночью он выяснил, что Эри – девушка темпераментная, к тому же женщины во все времена одинаковы.

– Важное? Важное, значит! – Ее глаза сверкнули подозрением. – И что же такое ты хочешь мне сказать? Бросить меня собираешься, манки отвальный? Чтоб с куклой развлекаться? С той дрянью...

Он закрыл ей рот поцелуем. Эри, кажется, опешила. Яростный блеск зрачков погас, девушка придвинулась поближе, обняла его за шею. Целоваться она умела.

– Ну... вот... – выдохнул он через минуту. – Видишь, я не хочу тебя бросать. Прежде всего ты очень милая... ну, и еще – если бы я с тобой расстался, это было бы катастрофой. Для меня.

– Даже так? – Эри удивленно моргнула. – Почему?

– Потому что ты очаровательная женщина и ценный источник информации. Видишь ли, солнышко, я знать не знаю, что такое кукла и отвальный манки. Я не смогу открыть дверь в эту комнату, сесть в лифт или заказать вина. Я не умею пользоваться этими штуками. – Он кивнул на их браслеты, валявшиеся в кресле вместе с одеждой. – Правда, вчера я научился пускать душ и общаться с твоим фантомом... с синтетом... Надеюсь, ты меня научишь остальному?

Рот Эри приоткрылся, глаза округлились.

– Ты... ты смеешься надо мной, Дакар?

– Павел, – мягко поправил он. – Дакара больше нет, моя хорошая. Остались от него какие-то инстинкты в подсознании, осталась речь и, может быть, условные рефлексy и привычки... ну, еще это тело, конечно. Но разум тут другой. – Он прикоснулся ко лбу. – Разум, память, знания, душа... Они принадлежат другому человеку. Мне, Павлу Лонгину.

Девушка начала бледнеть. Кровь отхлынула от ее щек, глаза распахнулись еще шире, пальцы сжались в кулаки. «Крепкие кулачки, ничего не скажешь, – отметил он. – Интересно, чем занимается Эри? Тело литое, словно у поклонницы бодибилдинга...»

– Ты ездил в Пэрз, и там с тобой что-то случилось, – хрипло промолвила она. – Что-то нехорошее... Случалось ведь прежде, после «шамановки» и «отпада»... Может быть, тебя убили, а потом клонировали?.. Бред, что я говорю... ты ведь не безмозглый! Ты разговариваешь и даже... – Бросив взгляд на смятую постель, Эри схватила его за плечи и встряхнула. – Что случилось в Пэрзе? Говори!

– Полегче, детка... По утверждению местного медика, Дакар перебрал «веселухи» и ему поставили пситаб. Затем, я думаю, сунули в поезд и отправили домой. Он очнулся в трейне... то есть я... Потом меня вытащили из вагона люди в серебряных масках, что-то проверили, сказали: вы Дакар, инвертор Лиги Развлечений из Лилового сектора. Я не знаю, кто такой инвертор, и об этой Лиге слышу в первый раз! В поезде у меня что-то случилось с головой – туман, провалы в памяти, но все прошло, когда удалили пситаб. Врач удалил, Арташат...

Кажется, Эри немного успокоилась.

– Я его знаю, он из нашего ствола. Может быть, нужно к нему обратиться? С тобой ведь и раньше...

– Нет! – выкрикнул он и повторил тише: – Нет. Врач снова прилепит мне пситаб, а это не согласуется с моими планами. Ни пситаб мне не нужен, ни транквилизаторы, ни курс ментальной терапии, черт бы ее побрал! Не позволю сделать из меня кретина!

– Дакар...

– Павел.

– Хорошо, Павел! – Руки Эри по-прежнему лежали на его плечах. – Говоришь, ты не Дакар? Говоришь, другой человек в его теле? Хочешь, чтоб я в это верила? – С каждой фразой она трясла и дергала его, точно набитый ватой мешок. – Чтоб купол на тебя обвалился! Эти, в серебряных масках, охрана ВТЭК, считали твой гарбич... Прямо отсюда! – Она показала пальцем на правый висок. – Если ты не Дакар, то кто? Ведь гарбич не подделаешь!

– Гарбич... – повторил он. – Кажется, мусор на английском? Что это такое, Эри?

– Это на сленге, а по-нормальному – личный код. Имя, место и дата рождения и генетическая карта. Неповторимая и уникальная! Вводится в мозг в инкубаторе. Ты еще сиропчик не сосал, когда тебе ее всадили... Кого ты хочешь обмануть, Дакар?

– Павел! – рявкнул он. – И перестань трясти меня, женщина! Я ведь сказал: кое-что осталось от Дакара... плоть и кости и этот мусор в голове... Но остальное – мое! Я прожил пятьдесят семь лет, учился в университете, работал, был физиком, потом писателем и помню, что со мною было! Помню сына и жену и сотни людей, коллег, приятелей, знакомых... помню свой дом и город и другие города – в России, Штатах, Испании, Чехии, Польше... Помню, чем болел и как подыхал от нефропатии... Все помню! Рассказать тебе об этом?

Вспышка ярости обессилила его. Он уткнулся лицом в ладони и не сразу понял, что Эри уже не трясет, а нежно гладит его плечи.

– Хорошо, пусть так... Скажи, откуда ты взялся?

– Из прошлого, – глухо пробормотал он, – из двадцатого века. Точнее, из самого начала двадцать первого. Две тысячи второй год, Земля, Россия, Петербург. Это город в дельте Невы, на берегу Финского залива.

Видимо, она не поняла, переспросила:

– Город на Поверхности?

– Да.

– Но на Поверхности никто не живет. Кажется, люди там никогда не обитали... даже в прошлом...

– Ты ошибаешься, солнышко.

Он замолчал, но тут же вновь заговорил, с трудом выдавливая слова:

– Не знаю, как это получилось, и не могу объяснить... Я чужой здесь, Эри, понимаешь? Я будто совершил путешествие во времени, но не в телесном обличье – странствовал мой разум, моя личность, мое «я». Что послужило причиной этому? Не имею понятия, не могу представить... Удивительно, не так ли? Даже страшно... Человек связан со своей эпохой такими крепкими узами, что их, казалось бы, не разорвать и не разрушить. Его представле-

ния о мире, знания, опыт, понятия о добре и зле – все, что составляет индивидуальность, все приковано цепью времен к определенным событиям и датам, жизням других людей и их деяниям... Как можно рассечь эту связь? И почему? Зачем? С какой-то целью или случайно? Не знаю... Но я – здесь, и значит, такое возможно. – Он покачал головой и вдруг с внезапной надеждой уставился на Эри: – Какие-то эксперименты ваших ученых? Наука, несомненно, прогрессирует и...

– Мне ничего не известно о науке и ученых, Дакар... то есть Павел. – Наморщив лоб, она печально и задумчиво глядела на него. – Я даже слов таких не слышала – ученые, наука... Есть ученики, и я была одной из них. Теперь я Свободный Охотник.

– Что это значит?

– Я выполняю поручения различных фирм и частных лиц, когда у них возникают проблемы... неприятные проблемы.

– Например?

– Например, есть человек с необычным даром, ценный для своих патронов. Приносит хорошие доходы, – пояснила Эри и усмехнулась. – Но голова у него не в порядке – то драку затеет, то кого-нибудь убьет в подлесной оттопыре... За таким надо приглядывать.

– Ты это обо мне?

– Может быть.

– Я... этот Дакар... убил кого-нибудь?

Эри неопределенно повела плечами.

– Ну, черт с ним, с Дакаром! Хотя погоди... Талант у него, говоришь? Какой?

– Ты – инвертор. Один из лучших в Мобурге. Наверное, самый лучший.

С минуту он размышлял, глядя в пол, затем поднялся, подошел к креслу, попробовал натянуть лежавшее там одеяние. Эри скользнула следом, помогла. Одежда оказалась непривычной – ни белья, ни носков, только облегающий комбинезон, слишком яркий и пестрый.

– Побриться бы... – Ощупав щеки, он убедился, что в этом нет необходимости. Есть тоже не хотелось, и мочевого пузыря не предъявлял претензий. Странно...

Он повернулся к девушке – та облачалась в свой наряд, бывший на удивление скудным. Передник спереди, передник сзади, поясик и что-то вроде лифа – непонятно, на чем держится... Но держалось прочно.

– Ты мне не веришь? Нет?

Она прищурилась, в сомнении сдвинула брови, но ничего не сказала. Он вздохнул.

– Ладно, я понимаю... Мне тоже не верится в чертовщину вроде переселения душ, однако душа моя тут и жаждет знаний. Давай считать, что это такая игра: я спрашиваю, ты отвечаешь. Договорились?

– Договорились, – хмуро выдавила девушка. Подвинув кресло к стене с камином-миражом – так, чтобы видеть комнату, – Эри забралась в него, поджала ноги. Фантомные языки огня плескались и танцевали у самых ее колен; казалось, она горит и не сгорает. Лицо ее было напряженным, даже мрачноватым, словно она заранее готовилась к неприятностям.

Он стукнул ладонью о крышку стола.

– Из чего это сделано, Эри?

– Из хитина.

– Хитин, вот как... Я думал, кость или черепаший панцирь... Здоровые у вас жучки!

А там что?

– Там твой терминал.

– Для чего он мне?

– Для работы. Клипы записывать.

– Откуда я беру их, эти клипы?

– Из своей дурной башки! – прошипела Эри. – Сочиняешь!

– Значит, сочиняю... Там сочинял и здесь сочиняю... Видно, судьба! – Он покрутил головой и осторожно поинтересовался: – Скажи-ка, а эта вчерашняя красотка... голая, из саркофага... кто она такая? Или что?

Эри подскочила в кресле, едва не свалившись в камин. Глаза ее вспыхнули гневом.

– Брось меня дурачить! Хочешь сказать, одалиски никогда не видел? Куклы паршивой?

– Кукол видел, но не живых. Одалисок... хм... тоже, пожалуй, видел, по телевизору, но не таких, как эта. Больно уж неразговорчивая, хотя и шустрая... Она – человек?

Возмущенно фыркнув, Эри повторила:

– Человек, как же! Ты что, сам не заметил разницы?

– На ощупь – нет. Теплая, мягкая и...

– ...тупая тварь! Их клонируют. Да... Павел! Штампуют в ГенКоне, как мебель, одежду или посуду, и продают! Болванам вроде тебя!

Он насупился, погрозил девушке пальцем:

– Не путай меня и Дакара! Дакар, возможно, был болваном, но я отношусь к другой весовой категории! Я из тех, кто хочет знать, так что игра продолжается. Что такое ГенКон?

– Концерн Генной Инженерии. Производит биотов, биочипы, различные органы и протезы. Еще – джайнтов и одалисок.

– И эти одалиски... для чего они?

– Будто не знаешь! – Мышцы Эри напряглись, зубы блеснули в угрюмой усмешке. Ему показалось, что сейчас она львицей прыгнет с кресла и вцепится в горло. Возможно, разорвет напополам...

– Теперь знаю. Безмозглые суррогатные женщины для сексуальных утех, твои конкурентки... А суррогатные мужчины тоже есть? Вместо фаллоимитаторов?

– Такие куклы не получают, – мрачно сообщила Эри. – Сделать их в принципе можно, но с нервной системой какие-то сложности. В общем, не стоит у них.

– А с женщинами, значит, сложностей нет... нет сложностей... – Хмурясь и беззвучно шевеля губами, он прошелся по комнате от окна к голографической завесе – стены сбегались, словно желая загнать его в угол. Потом внезапно выкрикнул: – Мерзость! Какая мерзость! Сотворить живую неразумную игрушку! Надругаться над самым святым, над самым, самым... – Остановившись у панели, за которой прятался хрустальный саркофаг, он злобно пнул ее ногой. – А это что такое? Этот гроб, куда ее засунули?

Его реакция поразила Эри – она моргнула с недоуменным видом, затем ноздри девушки затрепетали, зрачки расширились. Похоже, от ее раздражения не осталось и следа – теперь, приподнявшись в кресле, она смотрела на него, словно на пришельца из бездн Галактики или марсианина о трех ногах. Весьма вероятно, так оно и было.

– Там криоблок и упаковочный контейнер... Я не очень разбираюсь в этом, Павел... Там устройство, которое поддерживает жизненные функции и...

Он резко повернулся.

– Вот что, милая: я хочу, чтобы этот контейнер убрали. Вместе с... с содержимым. Это можно как-нибудь устроить?

Из горла Эри вырвался то ли вздох, то ли всхлип. Она поднялась, сделала несколько шагов, медленно вытянула руки и, точно слепая, стала ощупывать его лицо. Пальцы девушки были прохладными, нежными и в то же время сильными; они скользили по лбу и щекам, спускались к подбородку, трогали губы. Ласка?... «Нет, – подумалось ему, – что-то с нею происходит – вон виски в испарине и бледность...»

– Ты не Дакар... – пробормотала Эри. – Глаза Дакара, лицо Дакара, тело Дакара, но ты не Дакар... Ты думаешь и говоришь иначе... Дакар любил одалисок, любил оттопыровку и терпеть не мог вина. Для Дакара главным был сам Дакар, его удовольствия, прихоти,

капризы. И он никогда не звал меня милой... Ни милой, ни солнышком... Это ведь очень древнее слово, да?

– Рад, что оно не забыто, – вымолвил он. – Кажется, ты начинаешь мне верить? Поверишь ли окончательно, если я расскажу тебе кое о чем? Про свою семью, родителей, работу, про наши города и мир, который помню? Еще – о солнце и звездах, горах и озерах, равнинах и настоящем лесе из живых деревьев? Лето я проводил в дачном поселке, в Карелии... там были сосны, огромные сосны с золотой корой... белки, синицы, дрозды... Однажды на болоте мы с сыном встретили лосенка...

Кажется, она понимала не все – отсутствие нужных терминов он восполнял русскими словами. Это получалось как-то само собой, автоматически и без усилия; привычные слова вплетались в речь, словно нити в златотканую парчу, не искажая узора и лишь делая его ярче и богаче. Он почти успокоился и думал сейчас о том, что если девушка поверила ему, то, вероятно, поверят и другие. Но нужно ли стараться, чтобы преуспеть в подобном начинании? Хороший вопрос! Мир, в котором он очутился, был странноватым и, уж во всяком случае, не походил на рай; к тому же не исключалось, что он представляет угрозу для этого мира. Павел слишком мало знал о нем и потому не мог представить, куда заведут рассказы о соснах, белках и синицах. Вполне вероятно, в камеру или в психушку.

«Книги, – мелькнула мысль, – книги или компетентный человек. Лучше всего то и другое. Черпающий из разных источников быстрее познает истину... Только где они, эти источники?»

Он подвел Эри к креслу, усадил, сел напротив и машинально забарабанил пальцами по столу. Его поверхность отзывалась резкими звонкими звуками, будто тонкий медный лист.

– Ты знаешь, что такое книги?

– Д-да. – Голос ее дрожал – видно, еще не справилась с волнением. – Листы из пластика, на которые нанесены слова, много слов – так что получаются всякие истории. Их можно читать. Древний способ передачи информации.

Древний, отметил он и спросил:

– Что у вас вместо книг? Видеофильмы? Компьютерные бродилки и стрелялки?

– Клипы. Бустеры на одного и на двоих, клипы с музыкой, со всякими зрелищами или историями, как в старых книгах. Ты... Дакар... он не делал бустеров и музыкальных клипов. Он сочинял истории, для развлечения.

– Учебные клипы тоже есть?

– Только в инкубаторах и в фирмах, в их центрах профессиональной подготовки, но, если нужны какие-то сведения, их можно запросить с терминала. Городской пьютер найдет их в общепланетной сети.

Он криво усмехнулся и пробормотал:

– Сожалею, но в справочных файлах эти названия не значатся, дем Дакар... Не сомневаюсь, что в этой сети много полезного, но ответов на свои вопросы я не нашел. Во всяком случае, не на все вопросы... Может быть, ответит человек? Историк, социолог, политолог? Имеются они у вас?

Эри покачала головой:

– Никогда не слышала о таких профессиях.

– Но система власти не может без них функционировать! Подобные люди нужны любому правительству, да и само правительство включает их! Как же иначе?

Снова отрицательный жест.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, Дакар... то есть Павел. Паком клянусь, не понимаю! Есть Служба Общественных Биоресурсов, есть ВТЭК, ГенКон и тысячи компаний, фирм, союзов, корпораций... Но я никогда не слышала о правительстве. Возможно... – Эри призадумалась на секунду, – возможно, я попрошу одного человека, чтобы он поговорил с

тобой. Крит постарше меня и знает намного больше... думаю, не откажет... когда-то мы были партнерами...

Тень промелькнула на ее лице, и он догадался, что расспрашивать об этом не надо. Кажется, термин «партнер» означал теперь нечто большее, чем прежде – друг, возлюбленный или, может быть, просто близкий человек. Так или иначе, Эри его потеряла. Почему? Ну, есть множество причин, по которым люди расходятся...

Он поднялся и снова начал описывать круги по комнате. Потом спросил:

– Не посмотреть ли нам какой-нибудь клип – из тех, сочиненных Дакаром? Любопытно, на что это похоже...

Покинув кресло, Эри направилась к шкафу рядом с одежным и вытащила маленький пестрый цилиндр. Таких цилиндров величиной с мизинец тут было сотен пять или шесть – они торчали в обоях-держателях, напомнивших ему заставленные книгами полки. Другие предметы не вызывали знакомых ассоциаций – какие-то плоские коробки, разноцветные баллончики, что-то вроде ошейников и поясов из металлических бляшек. Внизу валялись маски и странно изогнутое сиденье без ножек, зато с ремнями и объемистой сумкой, прикрепленной позади.

– Что за штука? Эта, вроде седла?

– Седло и есть. Седло для биота, – пояснила Эри, кивая на диван: – Сядь там, будет лучше видно.

Он послушно шагнул к мягкому ложу, присел, наблюдая за девушкой. Руки Эри порхали над фонтанчиком, и ему показалось, что она опускает цилиндр прямо в водную струю, в отверстие, из которого била вода – такая же, видимо, иллюзорная, как огонь в камине. Журчание фонтана смолкло, затем потускнел свет в комнате, и большое окно затянулось серым непроницаемым туманом.

– Эти фонтанчики... – произнес он, приподнимая брови.

– Голографические проекторы полного присутствия. Они у тебя... то есть у Дакара... года четыре. Дорогая вещь, сто шестьдесят монет! Не помнишь?

– Должно быть, богатый парень этот Дакар, – буркнул он вместо ответа. – Случайно не из новых русских?

Комната исчезла, сменившись обширным темноватым пространством. По левую руку – склон, очень крутой, изрезанный трещинами и пещерами, переходивший в каменные своды, незримые, но ощущавшиеся где-то во мраке. Справа, впереди и позади тянулись завалы из камней и щебня, обломки покрытых ржавчиной балок, колес и труб, груды мусора, рассеянные оврагами и траншеями, остатки непонятных, титанической величины машин. Эта свалка, в которой гранит был перемешан с битым или раздавленным пластиком и ржавой металлической трухой, уходила на многие километры и, кажется, не являлась безжизненной – что-то шелестело среди мусорных куч, потрескивало, бормотало. Люди? Животные? Подземные хищные твари? Этого он сказать не мог, но чувствовал нависшую над ним угрозу.

– Отвалы... – прошептала Эри, прижимаясь теплой упругой грудью к его спине. – Отвалы, клип о Черном Дигтере Дуэро, один из самых лучших... Смотри, что будет...

Появился мужчина – высокий, мощный, в кожаных доспехах, с огромным топором в руке; за ним бежала полунагая девушка. Лица их были знакомы: воин – вылитый Дакар, только со шрамом от уха к подбородку, который, надо думать, являлся знаком мужества; девица, несомненно, Эри – стройная и синеглазая, с гривой рассыпавшихся по плечам светлых волос. У нее тоже был топор, но поскромнее. Выскользнув из каньона между двух мусорных куч, пришельцы быстро направились к пещерам. Щебень скрипел и визжал под их ногами, ржавая пыль кружила в воздухе, черный зев расселины надвигался, готовый заглотить их, словно чудовищная пасть. Ему, зрителю, вдруг стало ясно, что эти двое бегут, спасаются; каким-то неведомым образом он ощутил рукоять топора в ладони, струйки пота на

висках и затхлый запах свалки. Еще он услышал шорох шагов за спиной, и этот звук вселял уверенность и отвагу: она с ним... она прикрывает его... так, как и положено партнеру... его возлюбленной...

– Сейчас, сейчас... – шептала Эри – та, настоящая, сидевшая рядом и крепко обнимавшая его. Ее сладкий аромат пробивался сквозь запахи свалки.

В темноте расселины что-то зашевелилось, блеснули алые глаза, полуметровые клыки, страшная морда нависла над беглецами, вскрик Эри слился с воплем девушки-беглянки и гневным рыком воина. Он перехватил топор обеими руками, занес над головой, ударил; брызнула кровь, череп треснул под лезвием, пещерное чудовище завывало – жутко, протяжно. Сзади кто-то откликнулся, сородичи твари или иные существа, которые гнались за беглецами; их рев и вопли эхом раскатились под высоким сводом. Воин в яростном безумии рубил и рубил визжавшего монстра, девушка помогала, ловко орудуя топором, тварь готовилась издохнуть, но тут на ближнем мусорном холме возникли чьи-то смутные фигуры. Свистнул камень, потом другой и третий, он ощутил удар в плечо, дернулся и крикнул:

– Хватит! Остановить трансляцию!

Видимо, это были нужные слова: монстр, беглецы и их враги пропали, за ними растаяла гигантская пещера-свалка, а вместе с ней исчезло чувство сопричастности. Уже знакомые предметы проступили сквозь редющую мглу, вернув их из сказки в реальность: стол с креслами, камин с неугасимым огнем, журчащие фонтанчики, молочно-белый потолок, окно. Тоже сказка, если припомнить, куда он попал – в какой мир и в чье тело.

Эри над ухом пробормотала:

– Ну, вот... Даже не посмотрели, как Дуэро бьется с манки... Разве тебе не интересно?

– Чукча не читатель, чукча писатель, – вымолвил он со вздохом и, поймав ее недоуменный взгляд, добавил: – Ничего нового, солнышко, по крайней мере, для меня. Отважный герой с красоткой-подругой делают дракону харакири... Кровь, топоры, сопли, вопли и хруст костей... Знаешь, сколько я сочинил таких историй? Лучше уж не вспоминать...

– Сочини еще, – сказала Эри. – Я знаю, у тебя получится. Не хуже, чем у Дакара.

– Может быть. Пицца, кров, здоровье и муза-вдохновительница... Что еще нужно писателю? Рюмку коньяка и лимон на блюдечке...

Он поднялся и, приблизившись к рабочему столу, осмотрел торчавшие из него рукояти и диск, вмонтированный в пол, хмыкнул и повернулся к девушке.

– Вот что, Эри... Этот Крит, партнер твой бывший, – с ним можно повидаться? Посидеть в каком-нибудь теплом местечке, выпить, о жизни потолковать... Есть ведь у вас такие места? Бары, кафе, кабаки? Уверен, есть! Можно забыть про Эйнштейна и Ньютона, но не дорогу в кабак. Кабак, он вечен, как разговоры о главном: что делать и кто виноват... Интересные вопросы, верно? Хотелось бы мне с ними разобраться...

– Я свяжусь с Критом, свяжусь обязательно, но не сейчас. Крит в Мобурге и никуда не денется. Лазают, должно быть, по щелям или спускает монету с одалисками. – Сложив руки на коленях, Эри задумчиво смотрела на него. – С Критом мы спешить не будем, найдутся дела поважней. Ну-ка, подойди ко мне... ближе, еще ближе... наклонись...

– Эй, что ты задумала? – воскликнул он, чувствуя, как ее пальцы ищут застёжку под воротником.

– Прощай, Дакар, здравствуй, Павел, – прошептала Эри. – Назови меня солнышком...

Глава 6

Крит

Любые крупномасштабные перемены возможны только при полной поддержке населения. Чтобы обеспечить ее, следует поставить людей перед выбором: перемены или неизбежная и быстрая гибель. Необходимо измыслить причину гибели, которая должна представляться объективной, не зависящей от человеческой воли, понятной и связанной с каким-нибудь природным катаклизмом, к восприятию которого люди уже подготовлены средствами массовой информации. Например, падение астероида, изменение магнитного поля Земли или иная угроза, сходная с той, что погубила динозавров.

Разумеется, эта угроза будет ложной, существующей только в сознании населения.

**«Меморандум» Поля Брессона,
Доктрина Третья**

Я прибыл в «Хика-Фрукты», как договорились, в середине третьей четверти. Ствол их не в центральном районе, а поблизости, в Желтом секторе, где арендный взнос не столь высок; компания хоть и большая, богатая, но местный филиал не самый крупный. Говорят, что в Хике у них четыре колонны с цоколями в виде пирамид, что пирамиды те обложены мозаикой и между ними – водоем и дерево в три человеческих роста и что у Ларедо, их короля, в закрытой зоне полно таких деревьев. Не знаю, не знаю... В Хике я не бывал и тех чудес не видел. А вот с Борнео встретился не в первый раз – перепадали и прежде мне контракты, семь или восемь, за годы моих охотничьих трудов. И это правильно: значит, помнят, за кого я бился в Тридцать Второй ВПК.

Борнео сидит на самом верхнем ярусе, под куполом, выше только технический блок да раструб воздуховода. Гранды всегда там сидят, что объясняется не любовью к чистому воздуху и не желанием возвыситься над подданными, но заботой о собственной шкуре. В любой заварушке ствол штурмуют снизу, пешим ходом – воздушные бои хотя не возбраняются, но лишь до пятидесятого яруса. Ну, а сражаться под куполом – это чистый криминал и нарушение Первого Догмата! Купол – штука неприкосновенная, как воздухопроводы, пьютеры, трейн-тоннели, энергетический комплекс и водокачки. Любая царапина на куполе от пули или разрядника есть покушение на среду со всеми вытекающими: суд Вершителей, затем – измельчитель либо Старые Штреки с крысьюками. Поэтому чем выше, тем безопасней. Гранды об этом помнят, и я не забываю – мой патмент тоже у самого купола.

Кабинет у Борнео просторный и круглый, на целый ярус, с тремя персональными лифтами и специальным балконом для приземления биотов. На стенах – терминалы, голографические экраны и прочее хозяйство, посередине – стол кольцом и медицинский кокон. В коконе Борнео и сидит, в кресле на колесиках, опутанный трубками и проводами. Кожа серая, обвисшая, пальцы не гнутся, у рта – звуковая мембрана-дефлектор... Он много старше Африки, в том возрасте, когда пересаживать органы бесполезно, но не торопится в Ствол Эвтаназии. То ли хочет жить вечно, то ли в коконе все предусмотрено: нажавши кнопочку и вознесешься к предкам. Хотел бы я знать, где эта кнопочка... Хотя, с другой стороны, что на Борнео обижаться? Гранд как гранд, а случай с рыжим, которого я ножиком проткнул, первый в нашей практике. Может быть, Борнео тут и ни при чем.

Однако я был начеку и держался поближе к балконным дверям и своему биоту. В кабинете, кроме Борнео и Лимы, присутствовали три охранника в зеленой униформе, так что шансы были пятьдесят на пятьдесят: три излучателя против моего протеза. Вообще-то к

грандам вооруженных не пускают, но ведь протез не отстегнешь! «Ванкувер» не заряжен, и ладно... А что я могу сотворить пальцем, о том не всякий знает. Борнео с красоткой Лимой точно не догадывались.

Впрочем, все происходило тихо-мирно: проверили браслет Джизака, затем я подставил свой обруч под считыватель и развернул генетическую карту. Бледные мерцающие сполохи гасли над столом и вместе с ними таял личный код: Джизак, уроженец Мобурга, дата рождения – первый день 42 пятидневки, 750 год. Налюбовавшись этим зрелищем, Борнео включил звуковую мембрану и отдал распоряжение Лиме: зафиксировать смерть в пьютере ратуши и рассчитаться с исполнителем. Я подошел к терминалу, сунул в отверстие обруч и стал богаче на пятьсот монет. Все это заняло четыре минуты двадцать две секунды.

Выходит, «Хика-Фрукты» не подсылали рыжего? Кто же тогда? Загадочный вопрос! А я загадок и тайн не люблю, особенно если они грозят здоровью.

– В расчете, Охотник? – прохрипел Борнео. Голос его, искаженный мембраной, напоминал лязг металла по камню.

– В расчете, досточтимый гранд, – отозвался я. – Кажется, мне говорили о новом контракте? Я не ослышался?

– Контракт не с нами, мы посредники. Одна из фирм просила о содействии. Лима вас проводит.

С этими словами Борнео забыл о моей ничтожной персоне, выключил дефлектор и начал медленно вращаться вместе с коконом, всматриваясь в мерцающие над терминалами экраны. Их было тридцать шесть – по штуке на каждую латифундию «Хика-Фруктов» в окрестностях Мобурга. На одних плантациях джайнты собирали урожай, огромные дыни, бобы, орехи, яблоки и, кажется, бананы; на других серым потоком струился из башен компост, брызгали струйки воды из оросительной системы, загружались бункеры и чаны перерабатывающих фабрик, скользили по лентам транспортеров банки с пюре и джемами, винами и соками, растительным мясом и пищевым концентратом. Повсюду яркие оттенки: зеленые, желтые, розовые – листва, плоды и упаковочные контейнеры... Повсюду, кроме разоренной латифундии – там по черной земле ползал посадочный автомат, напоминавший гигантского червя.

– Прошу сюда, дем Крит. – Лима потянула меня к лифту. Мы спустились на двадцать ярусов, и у меня было время поразмыслить, что за фирма обратилась к «Хика-Фруктам» за содействием. Станный случай, очень странный! К чему нанимателям посредник? Они свои тайны берегут, и если есть нужда в моих услугах, обходятся без третьих лиц. Чего же проще: пригласить в свой ствол для содержательной беседы? С каким-нибудь старшим партнером или грандом, если уж дело секретное и важное!

В конце концов я решил, что мой потенциальный наниматель из «Хлореллы» или из «Грибов и сои» – у этих нет филиалов в Мобурге. Хотя, с другой стороны, могли бы оплатить проезд до Боста или Паги... Я бы поехал. Люблю путешествовать.

Мы вышли из лифта на площадку, и Лима направила меня в узкую щель, куда и боком не протиснешься. Кое-как миновав ее, я очутился в камере-барабане пятиметрового диаметра; пол под ногами дрогнул, камера повернулась, стена запечатала выход. Можно сказать, закрыла наглухо.

Переговорный блок, гниль подлесная! Три утопленных в стене сиденья, над ними – колпаки: не хочешь, чтобы тебя видели, сядь, надвинь колпак до плеч и говори в дефлектор – даже голос не узнают. Еще имеется завеса – мерцает, делит камеру напополам, и можно биться об заклад, что по другую сторону все то же – три сиденья с колпаками. Ну и, конечно, мои наниматели.

Я сел, устроился поудобнее и начал гадать, откуда они, из «Хлореллы» или из «Грибов и сои». Или область их интересов тайная – скажем, производство пузыря? Пузырь вообще-

то гонят частники, и я не слышал, чтобы этим увлекались в продуктовых фирмах. Хотя, с другой стороны...

Завеса исчезла, и я чуть не выпал с сиденья. Ни сои, ни грибов, не говоря уж о хлопке... Передо мной был Конго, прежний мой патрон из ОБР, гранд СОС, Службы Охраны Среды. Семнадцать лет не виделись, однако он не изменился: рожа угрюмая, глаза бесцветные, челюсть с два кулака и черный облегающий мундир. Рядом с ним сидел какой-то щуплый остроносый тип, тоже в униформе Службы. Видимо, в чинах: бляху я его не разглядел, но обертка отливала шелком.

– Комес Крит, – с мрачным видом представил меня Конго остроносому.

– Свободный Охотник Крит, – поправил я его. Не с целью упрекнуть, а ради точности; хоть Конго вышиб меня из обров, я на него не обижаюсь. Скорей наоборот: он разглядел во мне то, чего я сам не понимал – тягу к излишней самостоятельности и нежелание подчиняться. Большой недостаток для комеса Службы!

Не обратив внимания на мою реплику, Конго произнес:

– Это Кассель, эксперт Общественных Биоресурсов из Кива. Работает вместе с нашей группой. – Он помолчал, обшаривая взглядом стены камеры, и добавил: – Есть дело, комес.

– Дело или контракт? – поинтересовался я.

– Не вижу разницы. Формальные вопросы мы урегулируем с помощью «Хика-Фруктов». Они тебя найдут.

Затем Конго кивнул эксперту Касселю, и остроносый наклонился, пристально всматриваясь в мое лицо. Вид у него был такой, словно он прикидывает, с какой стороны попользовать одалиску, спереди или сзади.

– Вам приходилось работать на стекольщиков, комес Крит? Я имею в виду, на Фирмы Армстекла?

– Нет, дем Кассель.

– На Оружейный Союз?

Я покачал головой. У Союза своих бойцов хватает, наемники им не нужны. Разве что в исключительных случаях.

– Хорошо! – Эксперт продолжал буравить меня своими маленькими глазками. – К нам обратились стекольщики, комес Крит. Неофициально. Есть подозрение, что Союз – и, возможно, кое-какие другие корпорации – имеет доступ к сверхнормативным ресурсам. Стекло, черные и цветные металлы, сплавы железа, медь, алюминий, никель, хром...

– Черные Диггеры?

– Нет, не пачкуны. Вы понимаете, что это означает?

Еще бы! Все в нашем мире взаимосвязано, все движется по накатанным дорожкам, и хоть отклоняться от них не возбраняется, однако лишь на волос. В Эру Взлета вместе с куполами были отстроены Хранилища, и в них заложено сырье – металлы, полуфабрикаты, уголь, нефть и прочее, что предки сочли необходимым. Сырье отпускают по норме и твердой цене, в пределах предложения и спроса, а поступающие средства идут в ОБР и ВТЭК. Иными словами, сырье – исходный капитал, который тратится на нужды общества: охрану среды и транспортных линий, снабжение энергией, водой и воздухом, текущий ремонт и производство пищевого концентрата. Это экономическая ось, вокруг которой все вращается, и склоки между фирмами не в силах ее поколебать. Так же, как старания диггеров. Я знаю, сам был пачкуном! Если случается им откопать что-то полезное, не из древних вещей, а просто медь или стекло, то появляются проблемы – как разрезать и доставить и кому продать. Много суеты и мало пользы – цену ведь не спросишь выше, чем в Хранилищах.

Голос Касселя прервал мои раздумья:

– Судя по масштабам, это не диггеры, комес Крит. После обращения стекольщиков мы отследили ряд показателей и выяснили, что, например, закупки армстекла Оружейным Сою-

зом снизились на пять процентов, меди и хрома – на три, никеля – на полтора. Разумеется, в округленных цифрах... Но энергопотребление в их производственных зонах выросло! Они выпускают больше продукции, причем такой, которой традиционно занимались Фирмы Армстекла или Трест Цветных Металлов. Стволовые блоки и панели, трейны, авиетки, даже мебель...

– Давно? – спросил я.

– Около трех лет, и объемы производства возрастают. Прежде всего у нас в Киве, здесь, Мобурге, а также в Сабире и Дайле. – Кассель выставил палец и потряс им у длинного носа. – Возрастают! Что свидетельствует о развитых инфраструктурах в этих куполах, позволяющих брать сырье с меньшими затратами, чем цены Хранилищ. Налаженная сеть добычи, переработки, транспортировки и доставки – вот что это такое! Но к Союзу она не относится. Союз и другие компании – потребители, и мы не вправе интересоваться, кто и откуда им поставляет сырье. Не наша юрисдикция! Это ясно, комес Крит?

– Вполне. Я служил в СОС и представляю сферу полномочий ваших контролеров.

– Наших, – небрежно обронил Конго. – Если возьмешься за работу, получишь статус комеса. Временный.

Поглядев в его бесцветные глаза, я усмехнулся.

– Комесом я был семнадцать лет назад. Не претендую на магистра, досточтимый, но звание легата...

– Легата, хм... Ну, Пак с тобой, договорились! Статус легата и тридцать монет в день на весь период расследования.

– Сто, – отрезал я и повернулся к Касселю: – Значит, вы ищете некую фирму «икс», источники ее ресурсов, тайные хранилища и транспортные сети... Вы исследовали Отвалы и древние тоннели в Киве?

– Исследовали, но не до конца. Мы потеряли там троих.

Я пожал плечами. Отвалы есть Отвалы. В Отвалах всякое случается.

– Сорок монет, – с натугой проскрипел Конго.

– Сотня плюс возмещение за увечья.

– А одалиску в постель не хочешь?

– Здесь пятьсот монет. – Я нежно погладил свой обруч. – От «Хика-Фруктов», досточтимый, за одни-единственные сутки. А сорок в день... – Губы мои растянулись в презрительной ухмылке. – Почему бы эксперту Касселю не поискать другого Охотника, в Киве?

– Ты знаешь почему, мерзавец! Пятьдесят!

Конечно, я знал. Кто бы ни разведывал залежи сырья, некая фирма «икс» или Черные Диггеры, он нуждался в охране и защите. От манки, крыс и конкурентов, а также от любопытного эксперта Касселя из ОБР... Значит, наймут Охотников, и не десяток, а пару сот, если судить по масштабам добычи. Самых лучших выберут, не поскупятся! Обратись к такому Служба – вся операция засвечена... Тут особый человек необходим, доверенный и с безупречной репутацией. В общем, вроде меня.

Поэтому я твердо произнес:

– Условия прежние. Не согласны, ищите другого. Вот, например, Дамаск... или Хинган...

– Они у меня не служили и не работали на Диггеров, – буркнул Конго. – Семьдесят!

Репутация и опыт! Опыт и репутация! То и другое дорогого стоит! А еще больше – факты, которые тебе известны, а нанимателям неведомы.

Вытянув ноги, я вздохнул и с интересом заглянул в колпак, висевший над головой. Затем промолвил:

– Кстати, об этой фирме «икс»... Название «Каир» вам ничего не говорит?

Гранд с экспертом переглянулись. Кассель хмыкнул, Конго ткнул в браслет, прищурился, рассматривая возникшую в воздухе таблицу, и хмуро буркнул:

– Мозги прокисли, Крит? В реестре нет такой компании.

– А бляха есть, – отпарировал я. – Бляха, обруч без эмблемы и разрядник. Еще – моя обертка с дырами от излучателя. Ну и, конечно, труп. – Бросив изучать колпак, я поглядел на Конго. – Кто-нибудь знает, что вы собираетесь нанять Охотника? Скажем, меня?

Кассель нервно заерзал в кресле.

– Что это значит, досточтимый гранд?

– Цену набивает. Большой мастер!.. – пробормотал Конго, но вид у него был очень неуверенный. Он повернулся ко мне: – Когда и где в тебя стреляли? Кто и почему? Докладывай! Живо, а то гарбич выбью!

Я доложил во всех подробностях, и не успели мы закончить с этой темой, как к месту происшествия был выслан скаф. В оперативности Конго не откажешь! Дело знает и Службе предан до часа эвтаназии. Был бы нравом поприятней и щедрее – лучше не сыскать патрона!

Труп, разумеется, нашли. Куда ему деться, покойнику, из коридора, где червь не проползет?

Выслушав рапорт патрульных и поглядев на рыжего, Конго совсем помрачнел и, отключив браслет, уставился в стену камеры. Потом поглядел на меня. Так поглядел, как будто рыжий был нанят мной с известной целью – выдоить из ОБР монеты.

– Ну, пальнули тебе в спину... Случается! И в Тоннеле случается, и в подлесе... Мало ли там бродит оттопыренных капсулей!

Я подскочил на сиденье, чуть не треснувшись лбом о колпак.

– Капсуль! Во имя Пака, досточтимый! Капсуль в шелковом фантике от Пармы! С бляхой и обручем без клейма! Мы что, тут в шост играем?

– Бляха и обруч в твоём патменте? Принесешь! – распорядился Конго, затем подумал, помрачнел еще больше и проскрипел: – Восемьдесят!

– Троих уже в Отвалах потеряли, – заметил я, подмигивая Касселю. – Я мог стать четвертым. Тоннель, конечно, не Отвалы, но...

– Девяносто!

– Сто!

– Чтоб Купол на тебя обвалился, потроха крысиные! Сто, если что-нибудь найдешь!

Вот это уже разговор! Ну, а найти – найду... Еще не случалось такого, чтоб я искал, да не нашел. Года три назад Чогори, один из грандов Первой Алюминиевой, задумал прогуляться по Отвалам и напоролся там на шайку дикарей. Я и его нашел – правда, по частям: голову – отдельно, руки – отдельно. Все остальное уже сожрали.

Пока я пытался припомнить, скольких манки уложил и покалечил в той кровавой экспедиции, гранд с экспертом вполголоса шептались. Кажется, даже спорили: Кассель настаивал, а бывший мой патрон как будто возражал. Но не слишком энергично; когда он берется за дело по-настоящему, его не переспоришь.

Наконец они сошлись на чем-то, и Конго сделал знак рукой.

– Завтра с экспертом Касселем отправишься в Кив, изучишь ситуацию на месте. Дней на пять-шесть... В Отвалы там заглянешь, в щели и древние штреки... Потом вернешься и поищешь здесь.

– Как утверждает дем эксперт, поставки идут из Кива, Мобурга, Сабира и Дайла, – заметил я. – Почему бы не начать с Мобурга? Тут я лучше ориентируюсь.

Конго побарабанил пальцами по браслету, угрюмо насупился и сообщил Касселю:

– Теперь понимаете, партнер, почему я выгнал этого типа? Работа еще не начата, а он уже лезет с собственным мнением... Слишком резвый! – Он вперился в меня, топнул ногой и прорычал: – Едешь в Кив! На полную пятидневку! Выполнять, легат!

Не люблю, когда мной командуют. С другой стороны, пятидневка – это пятьсот монет, и, надо думать, без большого риска. Ну, ползаю в Киве по Отвалам, потолкаюсь среди диггеров... Может, что-то и узнаю.

Кончалась третья четверть, когда я покинул ствол «Хика-Фруктов». Летели мы не спеша – допинг, в котором меня поджидала Эри, был в соседнем секторе, и Пекси еще помнил дорогу к ней. Однако, сидя на его спине, я не пытался потревожить прошлое, не строил догадок о том, зачем понадобился Эри, не думал о новом контракте, о предстоящих поисках и путешествии в Кив. Меня занимали другие мысли.

Слишком уж Конго помрачнел, увидев рыжего... Случай, в общем, рядовой – стреляют и в подлеске, и в лесу, по самым разным поводам: ревность, зависть, перебор с «разрядником», свары из-за женщин или, к примеру, из-за ставок на тараканьих бегах. Вполне возможно, что этот рыжий оттопырился и позавидовал мне черной завистью: сидит, мол, тип в компании приятелей, деликатесы жрет и тискает девицу в голографической обертке – то есть, прямо скажем, без всего... Хотя стрелял он так, как оттопыренные не стреляют – руки точно не дрожали.

Ну, не в рыжем суть, а в Конго! Увидел, помрачнел и сразу согласился отвалить монету... Пусть не сразу, но без особых споров, что не в его характере – он хитер, прижимист и упрям. Однако уступил... С чего бы? Мне показалось, что Конго чувствует себя виновным, и этот выгодный контракт являлся компенсацией. Небывалая щедрость! А кроме того, поездка в Кив... Гниль подлесная! Зачем таскаться в этот Кив, не лучше ли начать с родных Отвалов? Но – приказано... очень настоятельно приказано, с топотом и рычаньем... Так, словно меня хотели убрать из Мобурга.

Одолеваемый такими мыслями, я приземлился под стволом 3073, на переходе у третьего яруса, слез и зашагал к допингу. Роскошное заведение этот «Сине-Зеленый»! Тянется от ствола к стволу, и за прозрачной стенкой видны диваны и столы в уютных нишах, старинные лампы из бронзы, шеренга раздаточных автоматов и пол из синих и зеленых плиток. Над каждым диваном и столиком – древесные ветви с огромными листьями и яркими цветами, а потолок – голубой, и что-то плавает на нем помимо светового шарика, изображающего солнце. Что-то такое белесое, округлое, пушистое... Конечно, голография.

У входа я наткнулся на хоккеиста Парагвая. Он был раскрашен под осу черными и желтыми полосками и прижимал к груди баллончик с «веселушкой». Кажется, уже пустой.

– Сс-свободный Охотник Крр-рит! – Парагвай растопырил руки. – Как-кая неожиданось! Как-кая чессь! П-пойдем крр-рыс ловить?

– Ты даже на приманку не годишься, – сказал я, пытаюсь обойти Парагвая сбоку.

– Н-не гожусь. Сс-сегодня не гожусь, – покладисто согласился он. – Н-но я написал вам... написал...

Ему все-таки удалось схватить меня за пояс. Приподнявшись на носках, закатив глаза и потрясая баллоном с «веселушкой», Парагвай с завыванием продекламировал:

В Отв-валы я спустился.
Мррак, х-холод, п-пустота!
Н-не выбраться назад.

Затем хоккеист освежился из баллончика, хлопнул себя ладонью по лбу и печально вымолвил:

– Н-нет, что же эт-то я... п-память соссем отшибло... В-вам соссем дрр-ругое... т-такое...

Он снова начал завывать:

Ох-хотник в брроне,
Сслева стена и справа...
П-пощади, не бей!

– Теперь точно убью, – сказал я и, растопырив пальцы протеза, потянулся к его горлу. Парагвай испуганно взвизгнул и отскочил. Допинг не был пуст, но ни одна голова не повернулась в нашу сторону. Кто тихо оттопыривался, кто лежал с закрытыми глазами, а кто показывал всем видом, что такие сцены здесь не считаются редкостью.

Обнаружив Эри в одной из ниш, я просочился сквозь голограмму с цветами и листьями. Эри, как всегда, была великолепна – в голубом узорчатом переднике и золотистой маске под цвет волос, с которой свисали хрустальные нити. Перед ней стоял баллончик с чем-то изысканным и легким – «стук-бряк» или «звени-уши».

Она сняла маску и в знак приветствия коснулась пальцами моей груди.

– Крит...

– Эри...

Смотреть на нее было гораздо приятнее, чем на Борнео или Конго. Зато они – источник прибылей, чего не скажешь о женщинах. Женщины – это расходы, капризы, упреки и много пустой болтовни.

Но к Эри последнее не относилось – она, как правило, знает, чего хочет, и переходит прямо к делу:

– Ты мог бы встретиться с Дакаром?

– Твой приятель, так? Что ему нужно?

Она поведала странную историю. Прямо скажем, фантастическую! Я пропустил бы ее мимо ушей, если б не знал, что Эри столь же не склонна к выдумкам, как я, Дамаск или Хинган. Все мы прагматики и реалисты – без этих качеств Охотнику не выжить. Столкнувшись с чем-нибудь невероятным, мы полагаем, что это иллюзия или обман, и мы обычно правы. Но, кажется, случай с Дакаром не подходил под эти категории.

Он считался лучшим инвертором Мобурга, и хотя я о славе Дакара не слышал и видел его всего лишь пару раз, это ничего не значит – я не работаю на Лигу Развлечений и не смотрю клипов с псевдожизнью. Дакар сотворил их немало, сотни три или четыре – расхожий товар из грез и снов на радость легковерным идиотам. Других достоинств, кроме буйной фантазии, за ним не значилось и даже наоборот – любил изрядно оттопыриться и побуяннить. Что для подданных Лиги не редкость; как утверждают хоккеисты, диззи и прочие уроды, творцам необходимо разрядиться – мой Парагвай, любитель ярких впечатлений, тому пример.

Ну, речь не о нем, а о Дакаре... Однажды он влип в историю – нюхнул «отпада» и вышиб какому-то капсулю мозга. Гниль подлесная такого не прощает, мстит, особенно если погибший из банды. Начались у инвертора неприятности, и, чтобы закрыть вопрос, Лига пригласила Эри, как и положено по Второму Догмату: безопасность подданных – дело их корпораций. Эри вопрос закрыла (два трупа, разбитая челюсть и переломы ребер), но, к сожалению, сама попалась на крючок. Не знаю, чем ее пленил Дакар – может, талантом сочинять побасенки об удалых парнях и их красавицах подружках? Тем более что все эти удалыцы похожи на Дакара, ну а подружки – вылитая Эри... Или она на него польстилась от одиночества? Хотя, с другой стороны, мужчина он видный...

Здорово он ее помучил, лет, должно быть, шесть. Правда, и Эри не без изыяна, а точнее, с прихотью: мечтает о светлой и вечной любви и чтоб никаких там одалисок или натуральных баб. Ревнует! Вредный пережиток, потому мы с ней и расстались... Ну, это уже другая песня.

На прошлой пятидневке Дакар поехал в Пэрз, и что-то там случилось, в Пэрзе, во время кутежа (а покутить он любит) или в трейне; словом, уехал Дакар, а возвратился человек без имени и памяти. То есть имя и память у него имелись, но не такие, как были у Дакара: он утверждает, что зовут его Павел (бессмысленное прозвище!) и что явился он из мест, которых уже не существует, из Эпохи Взлета или из более древних времен. По виду, однако, Дакар, и, как заметила Эри, разницы в постели тоже нет. Но о простых вещах – без всякого понятия: ни фантик натянуть, ни дверь открыть, ни к лифту подойти, ни торкнуться к раздаточному автомату... Спрашивает, говорит, много говорит, но непонятно. Словом, лицо Дакара, тело Дакара и гарбич Дакара, а мозги и память – так вовсе не его. Чудеса!

Выслушал я Эри, прищурился, подумал и спросил:

– Не ошибаешься, детка? Может, каприз у него такой? Может, он историю для клипа сочинил и проверяет, как ты отреагируешь? Парни из Лиги все повернутые. Кто к бандитам лезет в щель, кто над девушками шутики шутит...

Она с задумчивым видом играла хрустальными нитями маски. За моей спиной раздался хлопок, затем потянуло сладким приторным ароматом – раскупорили баллончик с «веселухой». Поморщившись, Эри сказала:

– Это не шулки, Крит. Он... понимаешь, он другой, не такой, как мы, как ты или я или как эти. – Она кивнула в сторону соседних столов. – Не потому, что глупые вопросы задает – иначе думает, иначе чувствует... Другие знания и опыт, другие мысли... Пришелец из прошлого и, кажется, очень несчастный.

– Несчастный?

– Да. Потерявший близких и свой мир, свою реальность. – Эри пропустила нити между пальцами, вздохнула и добавила: – Знаешь, он рассказывал мне о Поверхности.

Глаза у меня полезли на лоб.

– О Поверхности? С чего бы?

– Он утверждает, что жил там. В городе на Поверхности, у водоема. Такой длинный-предлинный водоем, в котором вода не стоит, а бежит, словно в трубе водокачки... называется «река»... Эта река тянулась через город, а в нем росли деревья и были улицы, мосты и здания, но не из триплекса и тетрашлага, а из бетона и каких-то других материалов. В одном из зданий он жил, вместе с женщиной и их сыном... Странно, правда? Он их все время вспоминает и зовет во сне... женщина была шатенкой с карими глазами... Азия... так ее, кажется, звали... Тоже странно: Азия – имя моей матери...

Глаза у Эри подернулись туманом. Она смотрела на меня, но видела нечто другое – должно быть, город, водоем, мосты и здания и эту женщину, с которой жил Дакар. Возможно, женщина и впрямь существовала – Дакар по этой части был мастак, но в остальном я не уверен. Город на Поверхности! Что за нелепость!

– Он хочет избавиться от одалиски, – тихо прошептала Эри.

– Надоела? Другую присмотрел?

– Нет. Просто хочет избавиться. Возьмешь?

– Не возьму. Можешь ее Хингану сплавить. Или Дамаску...

Избавиться от куклы! Теперь я понимал, что связывает Эри с этим новым загадочным Павлом-Дакаром, свалившимся к ней то ли из прошлого, то ли с Поверхности. Ее мечта о вечной, светлой и единственной любви была близка к осуществлению – конечно, если не считать той кареглазой шатенки.

– Ладно, – произнес я, похлопав ее по руке, – ладно! Пусть он не шутит, твой Дакар, не сочиняет баек и в самом деле жил когда-то наверху. Похоже на бредни блюбразеров, но я к ним отношусь лояльно – кто его знает, как там оно было в древние времена... Давай-ка перейдем к делу. Ты говоришь, он хочет встретиться со мной? А для чего?

– Вопросы, – нахмурилась Эри, – столько вопросов, что я в них чуть не утонула! Почему то, отчего это, кто, зачем, откуда, как устроено?..

– Есть терминал и справочная служба.

– Он говорит, что должен пообщаться с человеком. Он утверждает, что пьютеры глупы. Он спрашивает то, о чем они не знают.

– Например?

– О какой-то катастрофе, произошедшей в древности, еще до Пака и Эпохи Взлета. О том, когда она была и почему случилась. Он уверен, что люди жили наверху и только после катастрофы перебрались под землю. Еще он хотел бы выяснить, что на Поверхности сейчас – мертвое пространство... лес из живых деревьев... огромный водоем, покрывший сушу, или застывшая вода? Еще...

– Ну и вопросы! – прервал я Эри и ухмыльнулся. – Ты уверена, что я отвечу? Я ведь не блюбразер!

– Зато ты их знаешь.

– Знаю, это правда... – Я машинально напряг запястье, дуло «ванкувера» на мгновение высунулось и исчезло с легким щелчком. – С Мадейрой, что в тупике сидит, мы даже приятели – я его потчую ягодным пуншем, а он меня – байками о Синих Небесах... Свести его к Мадейре, что ли? Пришельца твоего?

– Хорошая мысль, – одобрила Эри. – Он про каких-то ученых толкует, про людей, исследующих прошлое, что роются в земле, разыскивают древние предметы и изучают их. Однако не диггеры и не торговцы хламом из Отвалов... историки и еще арх... арх... – Она пожала плечами. – Нет, не помню! Сложное слово, непривычное, и этих слов у него до купола.

– Как раз для Мадейры клиент, – сказал я и поднялся. – Но завтра мы к Мадейре не пойдем, завтра я в Кив уезжаю. Дней на пять.

– Контракт?

– Контракт. Возможно, ты...

«Не взять ли ее партнером?» – мелькнула мысль, но я не позволил ей сорваться с языка. Мое расследование лишь начиналось, и я не знал, нужны ли мне будут компаньоны и помощники. Опять же дело тайное, без Конго не решишь, кого привлечь и как использовать... И, кстати, как платить. Не из моей же сотни!

Мы стукнулись браслетами, и я покинул «Сине-Зеленый». Но у порога обернулся.

Эри смотрела мне вслед, ее лицо скрывала маска, но тень, скользнувшая у прорези для глаз, вдруг осенила металл крылом надежды и печали.

Глава 7

Дакар

В какой бы конкретной форме ни были реализованы перемены, будь то поселения на внеземных искусственных спутниках, колонизация других миров или глубин океана либо иной проект, который мыслится в настоящее время абсолютно фантастическим, одна из главных целей Метаморфозы такова: создание жизненной среды, в которой можно сосредоточить огромное население, среды, полностью подконтрольной человеку и управляемой им, среды, которая не допускала бы кризисов и экологических катастроф. Разумеется, для выполнения этих требований производство должно быть безотходным, а все виды исходного сырья – многооборотными.

**«Меморандум» Поля Брессона,
Доктрина Четвертая**

– Красная площадь, – сказала Эри. – А за ней – Дворцовая.

Он огляделся. Башни с алыми звездами, квадратные и круглые, кирпично-красная зубчатая стена, арка в ближней башне и человеческий поток, который вливается в нее... Это впереди, а сзади – вытянутый бело-зеленый дворец причудливой архитектуры, украшенный лепниной и изваяниями, решетками, лестницами и портиками. Над башнями крепости и над дворцом вставали гигантские цилиндрические монолиты из материала, похожего на хрусталь, розовые и зеленоватые, смыкавшиеся с куполом в необозримой высоте. Ниже, метрах в семидесяти или восьмидесяти над землей, что-то мерцало и посверкивало – будто паутина, сплетенная из мириад нитей. Если не считать этих добавок, вид был знаком. И поразительно нелеп!

– Кремль, Спасская башня. – Он вытянул руку к крепости. – А это – Зимний дворец с Эрмитажем... Копия, подделка! Все тут подделка, даже название города. Мобург, ха! Надо же, Мобург, хрен моржовый! Не Москва, не Петербург – Мобург...

Эри слушала его, недоуменно хмурясь. Они стояли на площадке, приподнятой над транспортными дорожками, обтекавшими ее, словно островок в море человеческих голов и плеч. Дорожки струились к аркам под башнями, а на площадке было сравнительно безлюдно, лишь сотни три одетых, полуодетых и почти раздетых, толпившихся у круглых и прямоугольных тумб. Он уже знал, что эти устройства – раздаточные автоматы, такие же, как холодильник в его патменте. Одни походили на колокол или на поставленную на попа цистерну, другие – на спичечный коробок; самый ближний напомнил ему огромную банку из-под пива, окрашенную в золотистый цвет.

Шум, гул, хохот, шарканье ног, непривычные запахи, то острые, то сладковатые, звон автоматов, сотни жующих челюстей, какие-то баллончики, бутылочки, пакеты... Нигде, однако, ни пылинки, ни соринки.

– Сколько народа... – пробормотал он, глядя на стремящийся к аркам поток. – Что они делают? Куда идут? И зачем?

– Ты не помнишь? Мы здесь бывали, – сказала Эри, махнув в сторону декоративного кремля. – Это Колонны Развлечений, и в одной из них – филиал Лиги, которой ты принадлежишь. Ты ее потомственный подданный.

– Я принадлежу лишь самому себе, – заметил он, поворачиваясь к бело-зеленому дворцу. – А там что такое? И что виситверху, над площадью?

– Вверху – сеть безопасности, а те зеленоватые стволы – ГенКон.

Он брезгливо поморщился:

– Шарага, где делают одалисок?

– Точно.

От шума, суеты и запахов у него кружилась голова. Он не любил находиться в толпе и даже глядеть на людские скопления; ему казалось, что в них человек теряет индивидуальность, уподобляется букашке среди других бессмысленных букашек, ползающих взад-вперед в огромном муравейнике. Это вызывало еще одну, столь же неприятную ассоциацию: нависший над муравейником сапог, который может опуститься и раздавить его вместе со всеми обитателями.

Видимо, он побледнел – Эри смотрела на него с тревогой.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как дерьмо в проруби... Где тут можно выпить? Хотя бы вашего вина из слив?

– Сейчас. Подожди меня здесь. Я принесу.

– Зачем? Вот автомат. – Он покосился за золотистую пивную банку.

– Этот для другого. Жди!

Эри исчезла, растворившись в толпе, а он, шагнув к автомату, стал с интересом его рассматривать. Широкий цилиндр, примерно по грудь; в верхнем торце – отверстие, еще одно, поменьше, сбоку, и рядом – панелька с кнопками и надписями. Их удалось прочесть, но смысл оставался темным: «веселуха», «звени-уши», «писк», «стук-бряк», «рыло-в-пуху»... Любопытные названия! Кажется, тот врач из Медконтроля, Арташат, что-то говорил о «веселухе»... Какой-то напиток? Или наркотик?

Внезапно он понял, что окружен компанией из пятерых людей, молча и с нехорошим интересом взиравших на него. Три парня, две девицы, обе темноглазые, с обнаженной грудью и коротко стриженными волосами... Парни одеты поосновательней, но одежда странная – тонкое облегающее трико ярких расцветок, лиловой, розовой и синей. Как тот, из поезда, в желто-алом, вспомнилось ему. Он пригляделся и вдруг сообразил, что их одежда не из ткани и даже не одежда вовсе, а краска, напыленная на кожу. Кроме краски, были башмаки, передники на бедрах, широкие ремни и неизменные браслеты.

«По погоде вырядилась молодежь, – мелькнула мысль. – Климат в куполе стабильный, температура – двадцать пять по Цельсию, ни холода, ни зноя, ни ветра, ни дождя... Брызни краски от шеи до задницы и гуляй в передничке, как египтяне при Тутмосах и Рамсесах... Чего им только нужно, этим раскрашенным голышам?»

Одна девица подмигнула ему, другая оскалилась в ухмылке, поглаживая сосок на пышной груди. Вокруг сосков была татуировка: кольца из змеек или червячков, вцепившихся в хвосты друг другу.

Лиловый придвинулся к нему поближе, Синий и Розовый встали с обеих сторон. От Лилового пахло чем-то приторным, неприятным.

– Чего уставился, штемп недорезанный? Емово есть?

– Емово? Что за емово?

– Не пехтурь! Суй обруч в дырку, таракан!

Он снова не понял.

– В какую дырку?

– Сюда, моча крысиная!

Его схватили за локоть, развернули, толкнули, и рука с браслетом вошла в отверстие рядом с панелькой. Одновременно он почувствовал, как под лопатку уперлось что-то острое, шило или лезвие ножа. Нож, кажется, держал Лиловый, Синий вцепился ему в локоть, а Розовый лихорадочно тыкал кнопку на вспыхнувшей неярким светом панели.

– Скорее, – прошипела девушка, ласкавшая сосок, – скорее... «Шамановки», Турин, накапай... «шамановки» или «отпада».

– Пситаб еще не примеряла? Откуда здесь «шамановка»? – буркнул Розовый. – Здесь только...

Он не закончил – из отверстия в торце с тихим звоном поднялся небольшой серебряный баллончик, затем еще и еще. Розовый жадно схватил их, перебросил девушкам, снова потянулся к кнопке. Нажать, однако, не успел – чья-то ладонь ударила его за ухом, и тут же раздался болезненный вскрик Лилового. Они повалились на землю; Синий, выпустив Дакара, размахнулся, но получил коленом в пах и, скорчившись в три погибели, застонал.

– Тебя и на минуту нельзя оставить, – послышался голос Эри. – Ну-ка, банку поддержи! Мешает!

Отступив от автомата, он машинально принял баночку с вином. Эри стояла слева от него, потирая ладонь о ладонь и насмешливо глядя на парней, ползавших у ее ног. Он не видел их лиц, только затылки и спины, синюю, лиловую и розовую, но, вероятно, досталось им крепко: Розовый хрипел и мотал головой, Синий держался за промежность, а пальцы Лилового были в крови.

– Я тебе, крыса, законопачу щель!.. – стиснув кулаки, пробормотала девица с татуировкой и двинулась к Эри, но другая вцепилась ей в пояс:

– Ползем отсюда, идиотка! Не видишь, напоролись на Охотника!

– Ползите, ползите, – проворковала Эри, пиная в зад Лилового. – Ползите, червячки! Вчера из инкубатора, а выступают...

Кое-как поднявшись, парни юркнули в толпу. Следом исчезли девицы с тремя серебряными баллонами.

– Что это было? – спросил он. – Чего они хотели?

– Это был грабеж, а хотели они «веселухи». И получили – за твой, конечно, счет. Капсули... Теперь оттопырятся и будут счастливы до завтрашнего дня.

– Капсули... Почему капсули? Это слово что-то значит?

– Категория Свободных, живущих на пособие, – пояснила Эри. – Воздух и жилье бесплатно, квота на энергию и воду, квота на потомство плюс рацион из пищевых капсул. Потому и капсули... Идем! Хочешь туда? – Она показала взглядом в сторону ближайшей башни.

– Нет. Давай-ка отправимся в такое место, где людей поменьше. – Отхлебнув холодного сладкого напитка, он огляделся. Ни один человек из толпившихся у автоматов не обращал на них внимания – так, словно никого не грабили и никого не били. Видимо, произошедшее с ним и учиненная Эри расправа считались рядовым событием.

Спустившись с площадки, они пробрались сквозь толчею, пересекли две или три дорожки и очутились на движущейся ленте, огибавшей бело-зеленый дворец. Он молчал, вцепившись в локоть Эри, в самый надежный из якорей, какие нашлись в этой реальности. Все остальное, люди и подземный город, дома, похожие на трубы, растянутая между ними сеть и нечто крылатое в вышине, то ли машины, то ли живые твари, было таким же далеким и странным, как марсиане на треножниках, рожденные фантазией Уэллса. Большая удача, что нашлась эта девушка, его поводырь и защитник в чуждом мире!

Он отпустил ее локоть и обнял за талию. Эри, откинув головку, повернулась к нему, и он заметил, что их глаза и губы были почти на одной высоте. Кожа ее восхитительно пахла, прядь волос щекотала висок, и на какое-то мгновение ему почудилось, что рядом с ним жена – в том далеком далеке, что называется юностью и проходит быстро и бесследно.

– Солнышко... – прошептал он и заглянул в глаза приникшей к нему женщины. Но они были не карими, а синими.

Дорожка, извиваясь и петляя, несла их все дальше и дальше, от площади к площади, мимо зеленоватых стволов ГенКона, похожих на цилиндрические аквариумы, мимо монолита в форме призмы, с цоколем, напоминавшим храм, мимо других строений, сия-

ющих огнями, соединенных переходами воздушных улиц, со множеством балконов и террас, висевших, словно птичьи гнезда на деревьях неизмеримой высоты. Рукотворный лес в огромной полости под заменившим небо куполом... Сколько времени и сил ушло, чтоб сотворить такой подземный город и все другие города, которых, надо думать, не один десяток... Целый новый мир! Мир ему определенно не нравился, но титанический труд и упорство, с которым его создавали, были достойны уважения.

Эри отстранилась на миг, вытянула руку к желтому зданию с двойным портиком у входа и широкой лестницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.